

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Продано более

2,5 миллиона

экземпляров

ЛУЧШИЕ

ДЕТЕКТИВЫ

БЕЛЬГИИ



Новый роман о выдающемся инспекторе Ван-Ине.
Современный Эркюль Пуаро в действии!

ПИТЕР

**КВАДРАТ
ТАМПЛИЕРОВ**

А С Л Е

Поговаривают, что полиция Брюгге годна лишь на то, чтобы профессионально выписывать штрафы за парковку в ненадлежащих местах...

Но когда за дело берется инспектор Ван-Ин, преступники городка трепещут!

amazon.com

Питер Ван-Ин

Питер Аспе

Квадрат тамплиеров

«Центрполиграф»

1995

Аспе П.

Квадрат тамплиеров / П. Аспе — «Центрполиграф»,
1995 — (Питер Ван-Ин)

В прекрасном по-европейски спокойном городе Брюгге произошло более чем странное происшествие: двое неизвестных проникли в роскошный магазин «Дегроф. Бриллианты и ювелирные изделия», но, ничего не похитив, собрали драгоценности стоимостью двадцать пять миллионов евро и опустили в соляную кислоту. В записке, адресованной владельцу магазина, было написано пять таинственных слов на латыни. Комиссар полиции Ван-Ин, профессионал и детектив от Бога, убежден: непонятный поступок злоумышленников – лишь предупреждение, готовятся новые преступления, и направлены они против Дегрофа. А причину надо искать в прошлом этого человека...

© Аспе П., 1995

© Центрполиграф, 1995

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Питер Аспе

Квадрат тамплиеров

Роман

Pieter Aspe
Het Vierkant Van De Wraak

*Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без
письменного разрешения издателя.*

*Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном
порядке.*

Copyright © 1995 Uitgeverij Manteau / WPG Uitgevers België nv en Pieter
Aspe. WPG Uitgevers België nv, Mechelsesteenweg 203, B-2018 Antwerpen,
België. www.wpg.be

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2014

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф»,
2014

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Глава 1

– С меня хватит, сержант. Им ничего не нравится. Они просто ненавидят меня.

– А чего ты ожидал, Андре, – безучастно отозвался Версавел. – Жизнь – это как розовый куст – сначала стебель с шипами, потом уж цветок.

Андре Петижан был слишком молод и, вероятно, слишком наивен, чтобы понимать истинный смысл слов Версавела, которого все это вообще не волновало, он думал только о том, как бы поскорее лечь спать.

– Но она меня очень любит. Прямо море любви, – упорствовал молодой офицер полиции. Сержант Версавел покрутил усы, жест, повторяемый много раз за день.

– Ее отец осел, что ли. Он даже не хочет оценить меня.

– Может, мамочка не такая, – выразил надежду Версавел.

– Если бы, – вздохнул Петижан, – сука не хочет, чтобы мы были вместе.

Версавел лишь кое-как поддерживал разговор, чтобы скоротать путь.

– На твоём месте я был бы осторожнее. Как правило, родители боятся увидеть чужие прелести на своей дочери.

– Тысяча благодарностей, сержант, – холодно произнес Петижан.

У Версавела не было детей, и он благодарил счастливую звезду за это. Дети в наши дни так тонкокожи. В машине на некоторое время наступила тишина. Петижан повел «форд-транзит» по безлюдным улицам Брюгге с мрачной решимостью на лице.

– Согласись, мы уже не дети.

Версавел сухо кивнул.

– Что им надо? Я работаю в полиции. Они знают мои способности. В худшем случае через пять лет я буду детективом, а если не подведет карта, стану комиссаром, прежде чем стукнет тридцать пять. Он госслужащий, не забывай. Двадцать восемь лет служит закону... Подумай об этом.

«Я вот лишь сержант, а не прочь бы сейчас получить комиссара», – хотел сказать Версавел, но промолчал.

– Да вот еще беда, если я хочу жениться на ней, я должен сначала купить дом.

– Она делает все, как говорит ей отец, – чистое золотце, – раздраженно сказал Версавел и украдкой взглянул на часы. Благодарение Богу, осталось лишь три тысячи девятьсот секунд их смены. Обычно ночные смены по выходным были особенно тяжелыми, но из-за проблем напарника, этого несчастного «Ромео», время шло как-то быстрее.

– Вы знаете, я понял, кто они.

Версавел покачал головой и погладил усы.

– Сборище отсталых католических ублюдков! – выпалил Петижан. – Несчастья начались с inshicklical. Никогда не сомневайся в папстве!

– Что? – выпрямился Версавел.

– Вы знаете, inshicklical. – Петижан убедился, что Версавел его не понял. – Да ну бросьте, это такой закон, который говорит, что мы все должны признавать авторитет, как хорошие мальчики и девочки. А он верит во все эти вещи на сто процентов. Он трудится в службе здравоохранения, а церковь управляет на этой территории.

– Ах вот что ты имеешь в виду!

– Ну а как вы думаете? – Петижан фыркнул.

– Я вижу, куда ты клонишь. – Версавел зевнул. – Конечно, католики ответственны за многие невеселые моменты в истории.

– Но я принял решение. Сегодня я попрошу ее выйти за меня замуж. Что вы думаете об этом?

«Найди другую красотку», – хотел он сказать, но вместо этого ответил:

– Возможно, тебе просто удалось произвести на них необычное впечатление. Мелкая буржуазия не равнодушна к милому блефу. Акцент на внешность, Андре, а остальное произойдет само собой, – пытался он немного разрядить его болтовню.

– Что вы имеете в виду? – спросил Петижан нервно, и образовавшемуся было покою Версавела стала угрожать опасность. – Не издевайтесь, сержант! – Его выпуклые глаза наполнились огнем. Петижан затрещал как змея и в растерянности почти потерял контроль над машиной. К счастью, они делали круг на главной площади.

– погоди, погоди, – рявкнул Версавел, видя, как они проехали в пяти дюймах от тротуара. – Я никогда не говорил, что был экспертом, не так ли? Я ничего не знаю о женщинах и еще меньше о том, как входят в семью, – прошипел он.

– Так что вы имели в виду? Что надо произвести на них впечатление, вы о побрякушках? Что это значит? Даунер – серьезный человек. Разве не понимаете? – сказал Петижан осуждающе.

Было четыре минуты седьмого, смена еще не кончилась, надо было придумать, как убить оставшееся время.

– А что, если бы ты действительно купил ей дорогое обручальное кольцо? – выпалил Версавел.

Это было глуповатое предложение, но Петижан оживился, как тонущий человек, увидев на горизонте лодку.

– Вы думаете, дорогое кольцо могло бы изменить ситуацию? – спросил он с отчаянием тупого энтузиаста.

У Версавела не было другого выхода, кроме как развивать тему.

– Конечно, – произнес он отеческим тоном. – Предков надо согреть. Купить кольцо. Мамаша наверняка мечтала поднести его дочери на подносе.

Петижан, к счастью, не обратил внимания на невежество Версавела по отношению к женскому полу да и на то, что было сказано ранее.

– Вы имеете в виду?...

– Ну, Андре, я бы не рискнул дать тебе плохой совет.

Петижан был доволен ответом Версавела и, к счастью, переориентировал свое внимание на руль вэна.

Они поехали вниз по Гельдмунд-стрит в сторону Занд-сквер. При ночном патрулировании всегда требовалось следовать установленному маршруту и строгому графику. Они шли на десять минут раньше. Блюющему под Мунт-портом пьянчужке повезло, они не стали его тревожить.

Петижан теперь был, очевидно, в лучшем настроении, и Версавел вздохнул с облегчением.

– Вы удивительный, сержант. По совести, вы всегда знаете, что делать.

Версавел вытянул ноги и представил себя под одеялом. О Небеса!

– После смены я куплю ей самое дорогое кольцо. – Петижан добродушно улыбался.

– Ты имеешь в виду завтра. Сегодня ведь воскресенье.

– Ну да, о'кей, тогда завтра. – Он, видимо, забыл, что собирался просить подругу выйти за него уже сегодня.

Занд-сквер. Здесь возвышался старый железнодорожный вокзал в неоготическом стиле, огромный и пустой в эти часы.

Раннее такси неслышно догнало их. Поезд гремел в отдалении. Выпуклые глаза Петижана блестели, рыжие волосы, казалось, полыхали, а угловатое лицо отсвечивало, как полированный мрамор.

– Вопрос вот в чем, – как-то очень серьезно проговорил «Ромео», – где же завтра мне купить великолепное дорогое обручальное кольцо? Какие кольца могут произвести впечатление на них? Нет времени на ошибку, сержант.

Беспощадный луч солнца заставил Версавела сощуриться. «Какая наивная молодежь сегодня, – думал он, – наивная и обидчивая».

– Где ж я куплю это кольцо? – огорченно пробормотал Петижан.

Версавел позволил ему мечтать вслух. Он был больше заинтересован восстановительными работами, проводимыми на башне Сан-Сальвадора, которые были близки к завершению. Версавел любил Брюгге, его атмосферу, его прекрасно ухоженные памятники. Созерцание их. Мало что доставляло ему такое удовольствие, особенно на рассвете.

– Вы должны помочь мне, сержант, – настаивал Петижан. – Вы знаете Брюгге как свои пять пальцев. Где я могу купить самое, знаете, такое эксклюзивное обручальное кольцо?

Ему пришлось повторить дважды. Версавел понял, не было никакого смысла пытаться объяснить молодому человеку, что его советы были не более чем попытка отделаться. Он даже решил попросить комиссара, чтобы в течение недели его не отправляли на патрулирование с Петижаном.

– Мы будем проезжать «Дегроф» в ближайшее время, – сказал он небрежно. – Вот где все состоятельные горожане покупают дорогие кольца.

– Честно?

Петижан волновался все больше. Жемчужины пота блестели на его лбу.

– Сколько еще, сержант? – спросил он заискивающе и посмотрел, словно малыш в ожидании мороженого.

Они проехали Саймон-Стевин-сквер. Молодая пара страстно прощалась под тентом банка. Версавел понял, что девушке не больше семнадцати лет.

– Мы живем в забавном мире, – вздохнул он.

– Сержант? – нетерпеливо вскрикнул несчастный влюбленный.

– Еще нет, успокойся.

Петижан немного расслабился, но лишь на время.

Самая оживленная улица в Брюгге была так же мертва, как в уединенном, тихом пригороде, а без привычного галогена товары в витринах сильно потускнели.

– Там, – сказал Версавел, – рядом с обувным. – Он указал на позолоченную вывеску над дверью, с монограммой из элегантных готических букв.

Большинство ювелиров по ночам хранили свои коллекции в подсобке, а некоторые даже забирали особо драгоценные вещи домой. Но не время беспокоить молодого коллегу непонятными ему пустяками.

– Не будет никакого вреда, если я посмотрю? – кинув заискивающий взгляд на Версавела, неуверенно спросил Петижан. – Эй, сержант?

– Подальше, не торопись.

Петижан небрежно припарковал машину перед ювелирным магазином и мгновенно выскочил. Версавел воспользовался возможностью, чтобы закрыть глаза. Многие знают, как дорог момент, когда можно так на пару минут прикорнуть вдруг, и Версавел даже успел увидеть странный сон, длившийся меньше двадцати секунд. Он проснулся внезапно, когда Петижан хлопнул передней дверцей. Молодой полицейский схватил Версавела за плечо.

– Сержант, сержант, – прохрипел он.

Версавел зарычал. Во сне он собирался пообщаться с жаркими испаночками, строившими ему глазки.

– В витрине ничего нет, сержант. Магазин пуст, – скороговоркой доложил он.

Версавел сохранил хладнокровие, но задумался. Да, конечно, магазин был пуст. Он взглянул на часы, подумав о графике, зевнул и пригладил усы. Было десять минут седьмого.

– И там стекло повсюду, – добавил Петижан нервно, как будто что-то предчувствуя. Версавел не спешил что-либо предпринимать. Он сделал глубокий вдох.

– Мой бог, – простонал он. – Кто меня за язык тянул!

Петижан слышал Версавела, но не совсем понимал, к чему это было сказано.

– Что мы теперь будем делать, сержант?

Версавел выудил фонарик из-под сиденья, вышел из машины и поежился. На рассвете всегда было холодно, даже летом. Петижан прокрался к витрине, прикрывая голову руками, словно еще осыпались осколки стекла, и взволнованно посмотрел внутрь магазина. Версавел направил мощный луч своего фонаря внутрь помещения. Ему потребовалось пять секунд, чтобы сделать вывод. Витрина была пуста, битое стекло небрежной кучей покоилось в углу. Рядом под одним из столов – несколько пар белых полотняных перчаток.

– Ну вот, приехали! – произнес он саркастически.

Петижан уставился на него отсутствующим взглядом.

Всплеск адреналина вдруг заставил его вздрогнуть.

– Вы имеете в виду...

– Боюсь, что да. Но почему именно сейчас? – возмутился Версавел. – Удача отвернулась от нас с тобой, друг!

Петижан не мог поверить своим ушам. Его симпатия к Версавелу растаяла, как кубик льда в стакане с теплой кока-колой. Коллеги предупреждали его: никогда не доверяй сержанту, когда грязь попадет в вентилятор, он бросит тебя.

– Не двигайся, – гаркнул сержант. Его надежда на краткий отдых улетучилась, как и чудесный сон.

– Это все, что вы скажете, сержант. – Петижан стоял перед магазином и таращился на пустую разбитую витрину.

Версавел спокойно вернулся к машине и связался по рации с дежурным. Прошло почти тридцать секунд, прежде чем ему ответили. Барт Де-Кайзер дремал последние четыре часа на раскладушке и тихо похрапывал.

– Здесь ОНА 3421, ответь мне, здесь Версавел. – Он нервно отстукивал марш Радецкого по приборной панели.

– Доброе утро, сержант, что нового?

Де-Кайзер старался произвести впечатление бодрячка, насколько это ему удавалось.

– Вероятно, ограбление. «Дегроф», – спокойно объяснил Версавел. – Стин-стрит, – добавил он, зная, что Де-Кайзер обязан был спросить его, во всяком случае, если сказать «Сити-холл», то он спросит адрес.

– Признаки взлома? – спросил Де-Кайзер.

– Отсутствуют.

Версавел ненавидел Де-Кайзера. Он был младшим офицером в подразделении, и все знали, что продвинулся он через какую-то политическую «нору». Его отец был не меньше вице-адмирала в бельгийском военно-морском флоте. Вероятно, это было лучшее, что он мог придумать для своего отпрыска.

– Вы уверены, что это ограбление?

– Нет, но витрина пуста. Там битое стекло на полу и перчатки, – ответил Версавел сухо. Насколько он знал, никто не ладил с Де-Кайзером. Туповатый, самонадеянный – «двойной сапог».

– Вам нужна помощь, сержант?

Версавел тихо выругался:

– На твоём месте я бы уже был заместителем дежурного прокурора и владельцем магазина «Дегроф»... Понятно? – прорычал он.

Де-Кайзер никак не отреагировал. Понятно, он не поленился сделать ссылку на некомпетентность в своем официальном отчете. Он посмотрел много американских полицейских шоу, где всегда призывали подставить подчиненных, но в то же время «держат язык за зубами».

– Конечно, – ответил он, слегка возмущившись. – И кстати, я позабочусь, чтобы ты закончил свою смену в двухместном номере.

– Делай, что... – Версавел усмехнулся.

Прошло весьма много времени, прежде чем Ханнелоре Мартенс наконец услышала телефонный звонок. Она засиделась до позднего вечера у телевизора. Став заместителем прокурора пару недель назад, она впервые дежурила.

Если что-нибудь случится, ей обязательно сообщат. Ханнелоре накинула пеньюар, включила свет и спустилась вниз. Ее телефон был в гостиной у окна. Она надеялась, что ничего не случилось с ее отцом.

– Ханнелоре Мартенс.

– Дежурный Де-Кайзер, мэ, – следя за произношением, заговорил он по-фламандски. – Простите за беспокойство, но это действительно серьезно.

Ханнелоре Мартенс слушала его сообщение, и ее пульс учащался. Он долго подбирал слова, чтобы объяснить, в чем дело. Когда он закончил, она не совсем понимала, что же требуется от нее. «Дегроф» прозвучало как колокол. Должна ли она информировать прокурора?

– Пострадавшие? – спросила она как положено.

– Нет, мэ. Ни следов, ни подозреваемых.

У нее не было представления, что могло случиться в этом спокойном мире. Ограбление? Все как-то безосновательно для того, чтобы будить заместителя, к тому же все в отделе знали, что Версавел не прочь и пошутить.

– Вы бы хотели, чтобы я поставил в известность босса?

– Пожалуйста. Скажите ему, что я буду там через пятнадцать минут.

– Хорошо, мэ. Я сообщу своим, что вы берете на себя личную ответственность.

Прежде чем она успела сказать «спасибо», Де-Кайзер повесил трубку. От волнения ее охватил озноб. Она сняла пеньюар и направилась в ванную с тесной душевой и старомодным умывальником. А ее сосед напротив, отставной начальник почтового отделения, перед тем как выпить чашечку кофе, пожелал полюбоваться мисс Мартенс, ее милыми формами во всей красе и с мыслью «как бы нам того...». Он никогда не смотрел через улицу просто так.

Это казалось ему настоящей пятиминутной вечностью, но Де-Кайзер ждал, когда Дегроф ответит на звонок. Если заместитель Мартенс еще не в дороге, он успеет.

Дегроф – обрюзгший человек, его ноги были наполнены свинцом, а голос охрип от сигарет.

– Полиция Брюгге, господин Дегроф. Дежурный Де-Кайзер. Кажется, у меня плохая новость. – Де-Кайзер помедлил, чтобы добавить веса своим словам. – Только что нам доложил ночной патруль. Есть основания полагать, что ваш магазин на Стин-стрит был ограблен, – сказал он официальным тоном.

Дегроф начал задыхаться и отвернулся от телефона, чтобы хорошенько прокашляться.

– Господин Дегроф, вы еще здесь? – спросил Де-Кайзер через пару секунд.

– Конечно, я все еще здесь. – Дегроф засопел. – Что, ради бога, говорит об ограблении?

– Дежурный сержант сообщил мне: витрины магазина пусты. Он решил, что это ненормально. Там еще битое стекло и перчатки на полу.

– Конечно, это ненормально, – прохрипел Дегроф.

Де-Кайзер держал трубку на расстоянии от своего уха.

– Тем не менее нет никаких признаков взлома, – продолжал он осторожно.

Де-Кайзер знал Дегрофов, или, вернее, его отец знал их. Они были богатыми и чрезвычайно влиятельными. Поэтому он не считал странным, что Версавел посоветовал быть аккуратным. «Вы никогда не можете быть достаточно осторожным с Дегрофом и им подобными».

– Заместитель генерального прокурора уже в дороге, – добавил он с некоторой гордостью.

Дегроф с трудом шевелил мозгами. Он сел и попытался оценить ситуацию. К счастью, все в его магазине было застраховано. У него очень кружилась голова, потому что он еще не совсем протрезвел после ночных возлияний.

– Хорошо, – сказал он. – Я еду.

– Отлично, сэр. А я позабочусь обо всем необходимом.

Глава 2

Гислай Дегроф и Ханнелоре Мартенс прибыли почти одновременно. Она только что припарковала свой темно-синий «рено» позади полицейского автомобиля, когда ювелир подъехал на своем черном матовом блестящем «мазератти». Версавел заметил их прибытие. Было без пяти семь.

Ханнелоре Мартенс была одета в белую блузку и длинную темно-коричневую юбку, смелый разрез открывал пару стройных ног.

– Доброе утро, сержант, – весело сказала она.

– Заместитель прокурора Мартенс? – спросил он недоверчиво. Он слышал, что назначали молодую сотрудницу, но этот экземпляр выглядел не старше двадцати пяти лет.

– Ханнелоре Мартенс. Как поживаете, сержант?

Версавел постучал в фуражку передним и средним пальцами. По крайней мере, она разбирается в знаках различия своей полиции. Неплохой признак.

Они пожимали друг другу руки, когда Дегроф посигналил, обратив на себя внимание. Он припарковался, как пьяный ковбой.

– Дегроф, я полагаю? – услышал Версавел ее насмешливый тон.

– Он самый, – ответил сержант и подмигнул.

– Что ж, встретим потерпевшую сторону, это наша работа, – сказала она весело.

Версавел последовал за ней. Он обнаружил, что ему трудно понять, как такая дева попала в полицию. В модельном бизнесе она бы заработала больше.

Дегроф-младший оказался высоким худым субъектом. Его дорогой дизайнерский костюм не мог сгладить впечатление от выпученных глаз и острых угловатых плеч, торчащих сквозь куртку. Он шел сутулясь и явно выглядел старше своих лет.

– Заместитель прокурора Мартенс, – уверенно представилась молодая женщина.

Дегроф, казалось, тоже удивился, как прежде Версавел.

– Я приехала так скоро, как только смогла, – сказала она.

– Это очень любезно с вашей стороны, заместитель прокурора Мартенс. – Дегроф был джентльменом. – Меня зовут Дегроф, Гислай Дегроф, владелец «Бриллиантов и ювелирных изделий».

Версавел усмехнулся. Кого еще они могли здесь ожидать, Сноу Уайта?

– Что, ради бога, происходит? – спросил Дегроф с болезненным выражением лица.

– Мы должны спросить сержанта Версавела, – ответила Мартенс. – У него все детали. Верно, сержант?

Версавел сообщил вкратце, что они обнаружили, не объясняя настоящей причины остановки возле магазина.

– Обычная практика в ночном патрулировании, периодическая плановая проверка в этих местах, – четко отрапортовал он.

К счастью, Петижан был в стороне и не мог ничего слышать.

– Нет никаких признаков взлома. Все, кажется, заперто как следует, – заключил Версавел с осторожностью. – Возможно, господин Дегроф откроет для нас дверь. Я уверен, что там можно узнать больше.

– Хорошая идея, – согласилась Мартенс. – Нет смысла торчать здесь. Давайте посмотрим, что внутри.

Она явно хотела быть у своего штурвала. Версавел внимательно наблюдал за ювелиром, который шарил по карманам в поисках ключей. Сержант оглядел его помятый костюм в тонкую полоску, мокасины без носков и отвратительный галстук. Размытые черты лица, борода и тяжелые мешки под лягушачьими глазами. От него пахло крепкими напитками.

Как только Дегроф открыл рольставни, Ханнелоре взглянула на Версавела. Он знал этот взгляд. Ее первое впечатление о ювелире совпадало с мнением Версавела, и ей также не понравился этот персонаж.

– Оставайся здесь, – сказал Версавел Петижану, когда он сделал движение последовать за ними. – И не позволяй никому войти без моего разрешения.

Петижан кивнул. Рольставни загремели, но с легкостью пошли вверх. Дегроф открыл дверь, включил свет и указал на встроенный шкаф, который не мог быть виден в витрине.

– Во-первых, охранная сигнализация, – пробормотал он.

Ханнелоре Мартенс решила остаться на месте, но Версавел жестом показал, что она может пройти внутрь.

– Сигнализация с задержкой, – пояснил он. – У нас есть сто секунд, чтобы снять систему с охраны.

Дегроф набрал четыре кнопки кода на маленькой клавиатуре: 1905 год.

– Вот мы какие! – сказал он так, словно выполнил какой-то хитрый фокус. – Бухта открыта.

«Идиот, – подумал Версавел, – кто скажет, что „бухта открыта“ после взлома? Берег-то чист. А берег и правда чист – ничего нет».

– Мон дью! – заскулил Дегроф, когда оглядел магазин. – Они все забрали!

– Значит ли это, что вы ничего не взяли на хранение? – Версавел удивился.

– С такой системой сигнализации как будто нет необходимости, сержант. Эта стоила мне полтора миллиона.

Он вдруг рванул в сторону и скрылся в узком коридоре за дверью. Мартенс и Версавел бросились за ним, но перед дверью они во второй раз услышали его крик:

– Мон дью!

Версавел вбежал в коридор первым. Он увидел справа две двери, обе были закрыты. Слева еще одна приоткрытая. Он почувствовал острый, едкий запах, но не мог понять какого рода.

Ханнелоре Мартенс закашлялась, когда они вошли и оказались в небольшой мастерской. Дегроф стоял, обхватив голову руками, уставившись на открытый стенной сейф, дверь сейфа висела на петле – сцена напоминала современную скульптуру.

– Любопытно. – Версавел присвистнул. Он извлек записную книжку и что-то нацарапал в ней.

Только он собрался задать вопрос ювелиру, как затрезвонили телефоны магазина. Подобно жене Лота, Дегроф застыл в странной драматической позе, сжав голову руками, уставившись невидящим взглядом в пространство. Версавел посмотрел на него, вернулся в зал магазина и взял трубку:

– Говорит сержант Версавел. Кто у телефона?

На другом конце провода несколько секунд было тихо – сотрудник охранного центра понял, что ему не повезло.

Всякий раз, когда поступал сигнал, он передавался через специальный телефонный канал в экстренную службу центра в шестидесяти милях от этого района. Но охранник решил вздремнуть пару часов вечером, чего он никогда не делал раньше. Он обещал своему сыну провести день в парке развлечений. Его бывшая жена отказалась брать в расчет, что он работает посменно, а право на посещение сына у него было лишь по воскресеньям, она не сделала для отца своего ребенка никаких исключений.

– Фредди Дугардин из охранного центра. Это полиция? – спросил он в тщетной надежде, что ответ будет отрицательным.

– Да, – сказал Версавел без выражения. Он полагал, что человек нервничал, и мог понять почему. Если был сигнал в тот вечер, а он его не принял по той или иной причине, утром его может ожидать госпожа безработица.

– Ничего серьезного? – спросил Дугардин почти с отчаянием.

– Весь магазин обчищен, мой друг, – сказал Версавел и вдруг понял, что сигнализация-то работала, когда они вошли в помещение. Дегроф ее побеспокоил. Вот почему охранник позвонил. Это было в воскресенье, и система должна была работать в нормальном режиме до понедельника. – Кто-нибудь мог отключить сигнализацию ночью? – спросил Версавел и открыл свой блокнот.

– Один момент, – попросил Дугардин. Он лихорадочно набрал код «Дегроф. Бриллианты и ювелирные изделия», глядя на монитор: wv-BR-1423. Пару секунд ожидания. Дугардин потер лицо ладонью и задышал. – Сержант, – сказал он громко и с облегчением, – нет ни одного зарегистрированного сигнала с полуночи до сих пор.

– А до полуночи?

– Одну секунду.

Это заняло две минуты.

– Господин Дегроф выключил систему в пятницу вечером. Он связался с моим коллегой по телефону.

– Пятница, вы говорите, – повторил Версавел. – Оставайтесь на линии, господин Дегроф здесь, рядом со мной. Вы отключали систему охраны в пятницу вечером?

Заместитель прокурора Мартенс присоединилась к ним и внимательно слушала.

– Конечно нет, – ответил Дегроф, как будто обидевшись.

– Господин Дегроф утверждает, что он не снимал систему с охраны в пятницу вечером, – сказал Версавел. Он использовал слово «утверждает» нарочно. Исходя из собственного опыта, он хорошо знал, что не должно верить людям на слово.

– Нет же. – Дугардин говорил уже более уверенно. – Он позвонил в 22.23. Вы можете послушать запись. Всего секунда.

Версавел простучал вальс Штрауса по столешнице, пока ожидал ответа. Дугардин перематывал пленку.

– Вот оно, – объявил Дугардин триумфально. – После пары разговоров и гудков.

Версавел услышал голос Дегрофа. Как и остальные выдающиеся граждане Брюгге, Дегроф говорил на западно-фламандском диалекте, вставляя иногда французские слова.

«– Алло, центр экстренной помощи? Гислай Дегроф говорит. Извините за беспокойство, но этим вечером я ожидаю важного клиента, я выключу сигнализацию.

– Понял, господин Дегроф. Как долго система будет отключена, как вы предполагаете?

– Час или полтора. О'кей?

– Значит, до полуночи все будет как обычно?

– Бьен су, мон ами¹.

– О'кей, господин Дегроф, приятно провести вечер».

Дегроф жестом нетерпеливо дал понять, что хочет прослушать запись еще раз.

– Вы можете запустить запись повторно? – спросил Версавел. – Господин Дегроф хочет услышать себя еще раз.

– С удовольствием, – ответил Дугардин.

Дегроф вырвал трубку у Версавела. Сержант шагнул в сторону и сердито потер усы. Дугардин включил запись, откинулся в кресле и закурил сигарету. Дегроф прослушал запись, и кровь отлила от его лица, ставшего мертвенно-бледным.

– Но это не мой голос, – потрясенно произнес он.

¹ Конечно, мой друг (*фр.*).

Ханнелоре Мартенс с любопытством повернулась к Версавелу. Для нее это было словно приключение, он не предупредил ее, что дежурство может быть таким увлекательным.

Потрясенный Дегроф все еще держал трубку. Версавел осторожно взял ее у него из рук. Дегроф покачал головой и рухнул в кресло.

– Ну, все теперь ясно? – спросил Дугардин с облегчением.

– Забудь о ясности, приятель, – посоветовал Версавел и заговорил спокойным, официальным тоном: – На твоём месте я бы начал писать отчет в деталях на двоих. Чтоб нам не пришлось потом что-либо долго выяснять.

– Конечно, сержант, – отозвался Дугардин, довольный, что все более или менее разрешилось.

– Если бы меня спросили, я бы ответила, что происходит нечто странное, – заметила Мартенс, когда Версавел вернулся.

Сержант пожал плечами:

– Какая разница – это наш хлеб, мэм.

– И что дальше? – спросила она с оттенком негодования.

– Но человек лжет, – прервал их Дегроф. – Я никому не звонил! Я провел вечер на свадьбе в Антверпене, с племянником Анны-Мари. Мы остались на ночь. Вот почему магазин был закрыт на весь уик-энд. У меня сто свидетелей, которые могут подтвердить это.

– Успокойтесь, господин Дегроф, – сказал Версавел. – Никто ни в чем не обвиняет вас. Вы пострадавшая сторона, не забывайте. Теперь мы знаем, что кто-то позвонил в охранный центр от вашего имени. Нам также известно, что кто-то был в курсе ваших планов на эти выходные. Он, видимо, знал, что вы были заняты по семейным обстоятельствам. Но главное, он знал, как обойти сигнализацию.

Ханнелоре Мартенс одобрительно кивнула. Сержант Версавел знал свое дело. Ее недоверчивость исчезла. Ее коллеги обычно высокомерно относились к полиции Брюгге.

Дегроф тупо смотрел в пространство и вытирал лоб носовым платком.

– Расслабьтесь, господин Дегроф. Мы сначала осмотрим мастерскую, а потом вернемся за вашим заявлением, – сказал Версавел.

– Вы не возражаете, если я присоединюсь к вам? – спросила Ханнелоре Мартенс, не уверенная, стоит ли оставаться с Дегрофом.

– Я не могу позволить себе делать ошибки, когда рядом заместитель прокурора, – пошутил Версавел, но, к счастью, у нее было чувство юмора.

– Я не думаю, что это очень опасно, сержант.

Ее реакция понравилась Версавелу.

Не успели они войти в мастерскую, как Дегроф сунул платок в карман, схватил телефонную трубку и нервно набрал отцовский номер. В трубке прозвучало не более трех гудков, Людовик Дегроф не был соней, он вставал ровно в 6.30 каждый день без исключения.

– Аллю, папа, это Гислай.

Людовик Дегроф слушал путанный отчет сына и, когда тот закончил, дал ему необходимые инструкции.

– Я сразу же позвоню комиссару. Оставайся там, – сказал он по-французски. – Я обо всем позабочусь. – Он всегда обо всем заботился.

– Здесь ужасный запах, – сказала Ханнелоре.

– Я об этом и говорю, – проворчал Версавел.

Он осмотрел стеновой сейф. Тот, кто его открыл, знал, что делает. У Версавела был опыт в таких делах. Он провел часть военной службы в бомбохранилище.

– Пусто? – спросила она.

– Более чем. – Однако он заглянул внутрь, чтобы удостовериться. – Ничего. Профессионалы никогда ничего не оставляют после себя.

Ханнелоре снова закашлялась. Едкий смрад не уходил, несмотря на открытую дверь.

– Это кислота, – определила Мартенс. – Я помню, когда я еще была ребенком, как мой отец опускал паяльник в соляную кислоту. Тот же запах.

Версавел кивнул. Он хотел сказать ей, что она хорошая девочка и что такие заместители прокуроров так же редки, как и белые бегуны-марафонцы.

Площадь мастерской была не более тридцати квадратных футов. Напротив двери стоял верстак с шарнирным рычагом, со встроенными светильниками и увеличительным стеклом, тисками и множеством различных инструментов, разбросанных в беспорядке, и компактное полировальное колесо. Здесь, по-видимому, проводился мелкий ремонт.

Версавел вдруг заметил прямоугольную стеклянную емкость, похожую на аквариум, на полу между верстаком и стеной. Это было как-то неуместно, и он не мог понять, почему никто не заметил этого раньше. Емкость была заполнена мутной жидкостью с серебристой пленкой на поверхности.

– Вот откуда запах, – фыркнул сержант. Он присел и зажал нос над контейнером.

Ханнелоре присела рядом. Их колени соприкоснулись.

– Гадость какая! – Она скривилась и отвернулась.

– Я думаю, мы должны позвать Дегрофа, – сказал Версавел.

Она протянула руку, и он помог ей подняться. Ханнелоре посмотрела на него: красавец мужчина, обходительный, спокойный – ее тип. Она была всегда, еще в студенческие годы, падка на мужчин в возрасте.

– Господин Дегроф, – прорычал Версавел, – можем ли мы пригласить вас в мастерскую?

– Мон дью. – Дегроф взревел, когда Версавел указал на непонятный аквариум. – Aqua Regis², мон дью.

«Мон дью» Дегрофа начали действовать Версавелу на нервы, поэтому он не сразу спросил его, когда здесь появилась эта жидкость.

Дегроф рывком открыл ящик под скамьей и извлек резиновые перчатки. Он натянул перчатку на левую руку и сунул руку в странный аквариум. Его лицо выражало тревогу, как будто он боялся найти страшный сюрприз на дне. На лбу вздулась извилистая жилка, усугубляя его и без того невеселый вид, подчеркивая особую асимметричность его выпученных глаз. Он сунул руку так глубоко, что вонючая жидкость едва не залилась в его перчатку. Через тридцать секунд он нетерпеливо вытащил руку. Между его большим и указательным пальцами была зажата тонкая полоска желтого металла.

– Мой бог, – проворчал он.

– И что? – спросил Версавел, изображая неведение. – Удалось ли вам найти что-нибудь, сэр?

Дегроф пристально посмотрел на него и вдруг словно обезумел и стал яростно мешать жидкость и, похоже, не боялся, что жидкость брызгами вот-вот попадет в его перчатку. Версавел и Ханнелоре стояли, словно зачарованные. В считанные секунды он сумел выудить целую кучу чего-то, вероятно золота, со дна.

– Вы хотите сказать, что преступник не взял с собой ничего? – спросила Ханнелоре. Она начала понимать, что происходит.

– Конечно, никто не возьмет на себя труд перерыть весь ювелирный магазин, чтобы просто уничтожить или испортить добычу, – рассудил Версавел трезво.

² Царская водка (лат.).

– Нет? – прорычал Дегроф. – А что вы думаете об этом? – Он протянул руку, чтобы показать несколько грязных драгоценных камней. – Варвары! – завопил он и, не обращая больше внимания на Версавела и Ханнелоре, как одержимый продолжил рыться в нижней части бака.

Версавел посмотрел на Ханнелоре и обнаружил, что она улыбается. Вдруг кто-то крикнул возле магазина: «Привет». Ханнелоре наблюдала, как Дегроф вылавливает предметы, укладывая их рядом с теми, что уже добыл, слева от себя: эксклюзивные браслеты, кольца, ожерелья и серьги.

Версавел вернулся в магазин узнать, что там происходит.

– Версавел, как делишки, детка? – как помятая труба, пророкотал офицер Декостер с типичным для Брюгге выговором. – Жаль, что мы так поздно, друг. Но вы знаете Де-Кайзера. Он всегда полчаса просыпается, затем еще час пытается все объяснить.

Стоящий рядом коллега Йозеф Вермерш расхохотался.

– Вы сделали достаточно, мы должны быть осторожны. Оказывается, Дегроф чей-то протеже, если вы понимаете, о чем я, – продолжал Декостер.

Версавел приложил к губам палец и кивнул в сторону служебной двери магазина. Но Декостер не обратил внимания. Он и Вермерш не были испорчены манерами и комплексами. Версавел не знал, что лучше, но он бы поклялся, что Де-Кайзер послал эту парочку, чтобы его позлить.

– Так всегда бывает с этими протеже. – Вермерш усмехнулся. – Вот почему мы остановились, чтобы забрать пару бархатных перчаток. Вы никогда не научитесь разруливать ситуацию. Но я не должен этого говорить вам. Эй, Версавел? Эй?

Декостер был один из тех типов, что нервно и сдавленно ржут. Версавел одной рукой взял его за плечо, пальцами другой – оттянул ему губы едва ли не на пару дюймов к уху.

– За-мес-ти-тель, – прошептал он по слогам, указывая в отчаянии в заднюю часть магазина. – О'кей, она еще совсем зеленая, но она заместитель прокурора.

Декостер кивнул, широко раскрыв глаза, моргнул, показывая, что он понял, и ткнул Вермерша локтем в ребра.

– Что за хрень? – вскрикнул тот.

– Версавел хочет сказать, что ты должен заткнуться. Петижан заснул у двери, – ответил Декостер уклончиво.

Вермерш все еще не понял. Но главное было то, что он молчал.

– Повезло, его будущий тесть не здесь. В противном случае...

– Сделайте мне одолжение, Декостер. Не начинайте о Петижане. Он не замолкал всю ночь.

– Каждому светит такое дежурство. Справедливо ли это, а, сержант? – дразнил Декостер. – Я отдежурил с ним дважды в прошлом месяце.

Версавел благоразумно скрыл тот факт, что он был бы в своей постели в это самое мгновение, если бы не любовные взлеты и падения Петижана.

– Я думаю, что мы должны отправить его домой, – предложил Версавел. – Он лишь загрузит каждого из нас. Подбрось его до Хаувер-стрит, – сказал он Вермершу, – тогда Декостер поможет мне с отчетом.

– А заместитель прокурора не может помочь? – пошутил Декостер. – Эти ребята очень охочи до работы.

– Заместитель – она, – уточнил Версавел. – И это не просто она, если вы меня понимаете.

– Спасибо, сержант.

Три пары глаз сверкнули в сторону заместителя прокурора Мартенса, когда она вышла к фасаду магазина. Несколько секунд длилось тягостное молчание.

– Господин Дегроф считает, что злоумышленник спустил всю коллекцию в царскую водку, – сказала она. – Я предлагаю одному из вас помочь ему составить опись поврежденного товара. Сержант, надо позвонить в институт криминалистики.

Они стояли как школьники, пойманные с поличным. Даже Версавел, который редко лез в карман за словом, потерял дар речи. Это был ее момент истины, она давно к нему готовилась. В конце концов, она имела шанс воспользоваться своими полномочиями и погрузиться в работу, которую так трудно было получить.

– Конечно, мэм, – опомнился Версавел.

Он все проглотил, и не в первый раз. А как бы он повел себя, если бы его сделали заместителем прокурора. Должность, собственно, обязывает. В этот момент в магазин вернулся Дегроф.

– Мне нужно позвонить. Вы извините меня?

Дегроф сел за свой стол. Он выглядел измученным и растерянным. Он снял куртку. Его левая манжета была пропитана жуткой кислотной смесью. Его глаза налились кровью, редкие волосы прилипли к голове. Дегроф вспотел, как марафонец, однако дело было не в миллионах, которые он потерял по милости странного злоумышленника. Он боялся того, что скажет папа.

– Выйдем на улицу на минуту, господа, – предложила Ханнелоре дипломатично.

Ей все больше нравилось пользоваться полномочиями. Дегроф поблагодарил ее легким кивком. Оказавшись на улице, она закурила сигарету и предложила остальным присоединиться, но Декостер отказался. Зато Версавел и Вермерш были курильщиками.

– Странное дело, – заметила Ханнелоре после первых глубоких затяжек. – Если вы спросите меня, то я скажу – надо больше работать.

Трое мужчин вежливо улыбнулись.

– Мы имеем дело не с любителем, это точно, – заметил Версавел.

Декостер и Вермерш, казалось, онемели.

– Каков мотив? Все дело кажется абсурдным. Вы не согласны, мэм? – спросил Версавел.

Группа смеющихся японских туристов изумленно уставились на них с другой стороны улицы. Их гид сделал какое-то замечание по поводу увиденного. Гиды всегда что-то говорят, если не знают, что делать. Японцы сразу же записали – магазин «Дегроф. Бриллианты и ювелирные изделия». Зашелкали бесконечные фото- и видеокамеры.

Глава 3

Телефон Питера Ван-Ина зазвонил, когда он уже был в ванной. Он тихо выругался, но не стал спешить. Ополоснув себя, он встал на сухой резиновый коврик перед зеркалом в облаке пара и покачал головой. Отражение в зеркале не доставило ему большого удовольствия. Он закутался в старый клетчатый халат и тяжело вздохнул.

Это было воскресное утро, 9.15. Свет солнца осторожно проникал сквозь выцветшие занавески. Восемь лет бесконечных облаков сигаретного дыма покрыли их толстой патиной – новое никотиновое слово в искусстве. Потолок под слоновою кость и обои были не лучше, а ведь они когда-то сияли белизной.

Ван-Ин поплелся вниз по лестнице. Телефон все еще звонил. Лестница из белого бука связывала спальню с гостиной на первом этаже, где находился телефон. Ван-Ин ненавидел телефоны в спальне. Он закурил сигарету, прежде чем поднять трубку.

– Ван-Ин, – гаркнул он.

– Здравствуйте, Ван-Ин. Это Де-Ки, доброе утро.

Ничто не звучит более саркастично, чем голос босса, желающего вам доброго утра в воскресенье.

– Жаль, что беспокою вас так рано.

Сарказм главного комиссара, видимо, не знал границ. Ван-Ин был в плохом настроении, давили выкуренные сигареты. Было тяжело идти.

– Я только что получил звонок от Людовика Дегрофа. Вы знаете, о ком я говорю?

– Конечно, – ответил Ван-Ин безропотно. «Все его знают, и Гитлера тоже все знают», – хотел он сказать.

– Хорошо. Слушайте внимательно. Я хочу вам кое-что сказать, Ван-Ин.

Де-Ки не мог не реагировать на звонок Дегрофа, когда тот поднял его с постели. Вроде бы кто такой Дегроф, но для дела может оказаться человеком нужным.

– Один из наших ночных патрулей обнаружил проникновение в магазин сына ювелира пару часов назад на Стин-стрит, – объяснил Де-Ки. – Мне кажется, что вы спрашиваете себя, почему я вас беспокою в воскресенье утром?

Нет, он себя об этом не спрашивал. Ван-Ин спрашивал себя, кто посмел беспокоить Де-Ки в воскресенье утром.

– Но вернемся к делу, – продолжал Де-Ки. – Согласно предварительным выводам, ничего не было украдено. Виновник вывалил всю коллекцию в стеклянный аквариум с царской водкой. Гислай Дегроф, ювелир, утверждает, что это кислотная дрянь уничтожила много драгоценных изделий. – Де-Ки помолчал.

Первая сигарета обычно необыкновенно вкусна, но зашекотало в горле, и Ван-Ин закашлялся.

– Эй, Ван-Ин?

– Минутку, комиссар. – Ван-Ин снова закашлялся, похоже, пришло время бросать курить.

Де-Ки раздраженно пояснил:

– Если б Делё не был в отпуске, я бы не беспокоил вас, конечно. Но я уверен, что вы понимаете, – мы должны привлечь опытного детектива в такое дело, особенно когда речь идет о ком-нибудь вроде Дегрофа.

Делё был зятем Де-Ки, а Ван-Ин немного помог ему, когда тот был принят на работу.

– Конечно, комиссар, – сказал он почти смиренно.

Делё доставались особые случаи. А если он все портил или просто тормозил, Ван-Ин был всегда под рукой, чтобы расчищать завалы. В такие минуты у Де-Ки не было альтернативы, кроме Ван-Ина.

– Так вы не возражаете заступить?

– Если мне придется.

Де-Ки вздохнул с облегчением.

– Отлично, Ван-Ин, – сказал он спокойно. – Я буду вам искренне благодарен, если вы сможете добраться до участка как можно быстрее. Затем мы сможем начать работу без промедления.

Ван-Ин молчал. Он был уверен, что Де-Ки звонит из квартиры. Дегроф, должно быть, настоящий тяжеловес, думал он. Простой смертный не посмеет беспокоить Де-Ки в воскресенье утром.

– Я буду на месте через тридцать минут, сэр, – сказал он.

– Вот и хорошо. Я знал, что могу положиться на вас.

С этими словами комиссар положил трубку. Ван-Ин почувствовал вторую волну тошноты. С другой стороны, лишние деньги – не лишние. Два дня работы по воскресеньям, и он на два месяца забудет про ипотечный платеж.

Ван-Ин с минуту пристально смотрел на себя в большое зеркало над каминной доской. Он давно отказался слушать свое большое тщеславие. Небрежно завязанный пояс халата свободно болтался, небольшой кругленький животик и «затонувший» пупок не радовали его. Он поморщился, как недавно в ванной. Неужели это его награда за восемь месяцев изнурительных тренировок? Женские журналы правы – в сорок мужики впадают в старость.

Он погасил сигарету в цветочном горшке, где на последнем издыхании торчал тощий фикус, затем развязал пояс халата, и тот медленно сполз с его плеч. Теперь Ван-Ин стал критически смотреть на себя в профиль. Если он делал глубокий вдох и щипал себя за ягодицы и живот, они казались ровными и твердыми. Ван-Ин простоял в такой позе еще секунд двадцать, наслаждаясь последними безмятежными мгновениями. Ритуал завершен, он стал подниматься по лестнице тяжелой походкой. Он должен одеться. А его гардероб наверху.

– Гребаные «Дювели», – пробурчал он и натянул штаны.

Чтобы Де-Ки видел, как он спешил, Ван-Ин не стал бриться. От Ветте-Виспорт, где он жил, до участка на Ауэр-стрит было десять минут ходьбы. Ван-Ин продал свой шербаый БМВ три года назад. Частный гараж в Брюгге весьма дорог, а припарковаться на улице невозможно.

– Доброе утро, комиссар Ван-Ин, – сказал Бенни Лаграу, беззубо улыбаясь из-за стойки.

– Доброе, Бенни. Де-Ки давно тут? – спросил Ван-Ин небрежно.

Лаграу был человеком старой школы, пьяницей и сплетником. Его привычной работой было утраченное имущество, коллеги наградили его прозвищем Сибирь.

– Он звал тебя на улицу Стин-стрит на грабеж? – вместо ответа, спросил Бенни.

– Как давно он был здесь? – Ван-Ин переформулировал свой вопрос.

– Он ворвался полчаса назад, – прошептал тот конспиративным тоном. – И я не думаю, что он в хорошем настроении.

– А когда такое было? – спросил Ван-Ин.

Лаграу осклабился. На этот раз от уха до уха.

Ван-Ин толкнул дверь и пошел по лестнице на третий этаж. На лестнице никого не было. Большинство сотрудников пользовались лифтом.

Главный комиссар Де-Ки, бывший парикмахер, которому удалось вырасти до магистра криминалистики, гаркнул «Войдите», как только Ван-Ин постучал в дверь. Де-Ки сидел за столом. Коротышка, как и большинство диктаторов, сегодня он был в своем мундире, как будто

случай обязывал, великолепном, как и все, что сделано на заказ. Вера, его любовница, не спускала с него глаз.

– Садись, Ван-Ин, – монотонно произнес Де-Ки и пристально посмотрел на вошедшего сквозь линзы в золотой оправе в восемнадцать каратов. Он не был рад отсутствию зятя, однако предпочитал именно Ван-Ина на подработке. – Сигарету?

– Пожалуй, – сказал Ван-Ин.

Де-Ки пустил через стол пачку «Плеерс», безвозвратно, естественно. Ведь Ван-Ин тратил свое время. Де-Ки нервно теребил пальцами свои редеющие волосы, но, увидев, что Ван-Ин наблюдает за ним, сразу опустил руку.

– Я хочу, чтобы ты взял под контроль это дело, Ван-Ин. Здесь самое главное – аккуратность. Я имею в виду, как можно меньше неприятностей для Дегрофов, насколько это возможно. Если тебе понадобится опросить кого-то из них, не вызывай их сюда, в полицейский участок. Ты меня понимаешь?

– Конечно, сэр.

Ван-Ин знал, что Де-Ки крепко задолжал в свое время Людовику Дегрофу, как и трем четвертям местных политиканов.

– И не так важно, между прочим, будет ли преступник или преступники арестованы.

Де-Ки тяжело было произносить эти слова. Ван-Ин вспыхнул:

– А почему нет?

Де-Ки снял свои дорогие очки и потер уголки глаз большим и безымянным пальцами. Ван-Ин задал такого рода вопрос, который не стал бы задавать Делё. Но у Де-Ки было мало выбора. Кто-то должен был взяться за расследование.

– Питер, друг мой, – начал он елейным тоном, – господину Людовику не нравится такого рода реклама. Если вы поймаете преступников, хорошо. Если нет, то нет проблем. Дегрофу нужен тщательный полицейский отчет, официальная запись его убытков, и ничего больше. Он не хочет тратить много времени и энергии на этот случай.

Де-Ки своей простотой показался Ван-Ину подозрительным. Главный комиссар почему-то избегал званий, статусов и фамилий.

– Другими словами, мы нужны, чтобы восстановить его потери по страховке, – произнес Ван-Ин многозначительно.

Де-Ки с безразличным видом махнул рукой.

– Как давно ты в деле, Питер? – спросил он Ван-Ина и уставился на него, явно забавляясь. – Восемнадцать, девятнадцать лет?

– Девятнадцать, – ответил Ван-Ин.

– Почти двадцать, Питер, – произнес Де-Ки с удовлетворенным видом. У хитрого лиса была поразительная память на детали, и ему нравилось ее демонстрировать. – Я полагаю, что ты многое повидал за это время?

Ван-Ин кивнул. Ему уже приходилось слышать нечто подобное прежде. Расчет и интриги.

– Значит, ты знаешь, как правильно вести себя, что иногда лучше не смешивать все с дерьмом.

Де-Ки снова запустил пальцы в волосы. Вера покрасила его волосы за день до этого очень дорогой краской, которую он оплатил без возражений, так же как платил за ее «рено-клио» и квартиру в Зеебрюгге.

– Думаю, я понимаю, что вы хотите сказать, комиссар.

Ван-Ин почувствовал себя школьником, но в его случае учитель был низкорослым, высокомерным придурком.

– Я тоже на это надеюсь, Питер.

Он надел очки и уставился Ван-Ину в глаза. Де-Ки нравилось смотреть людям в глаза. Он был уверен, что так он утверждает свою власть.

– Мы договорились?

Ван-Ин покусал губу.

– У меня есть выбор? – спросил он.

Де-Ки покачал головой:

– Боюсь, что нет, Питер.

Ван-Ин мысленно перенесся в свою юность, в незабываемые шестидесятые, когда он ни при каких обстоятельствах не шел на компромисс. Это были далекие дни. Сегодня он был обременен алиментами и ипотекой.

Де-Ки поднялся и посмотрел на Беурс-сквер. Он сделал то, что от него хотели. Если Ван-Ин проштрафится, его сделают идеальным козлом отпущения. То, что отсутствует Делё, не так уж плохо, в конце концов. У Де-Ки было шестое чувство, оно помогало ему держаться подальше от опасных ситуаций.

– Мы должны ознакомиться с местом происшествия? – сказал он и взглянул на огромные часы над дверью. Было 9.50. – Наши коллеги будут рады помощи.

Ван-Ин погасил наполовину выкуренную сигарету и направился к двери.

Де-Ки поднял трубку внутреннего телефона и набрал номер кафе:

– Привет, Герард. Мы уезжаем немедленно. – Голос Де-Ки стал тонким и гнусоватым и звучал как блендер на низких оборотах.

Герард Ванденбрант был личным шофером Де-Ки. Главный комиссар сам определил свои статусные преимущества на следующий день после того, как мэр назначил его на эту должность.

Герард приветствовал Де-Ки и Ван-Ина, как заведено, и послушно проследовал к машине, чтобы открыть пассажирскую дверь черного «форда-скорпио». «Скорпиону» было без малого два года. Ничего необычного: Де-Ки имел право на новый служебный автомобиль каждые четыре года. Вот номерной знак «скорпио» был уникальным:

ДКВ-101. «Де-Ки Брюгге», с последующим номером национальной полиции.

– Как малыш? – спросил Ван-Ин, как только сел в машину.

Жена Герарда Кэт родила шесть месяцев назад. Де-Ки знал это, но не захотел выкатывать свою тачку из гаража. Если бы он это сделал, Герарду не пришлось бы срывать в последнюю минуту, он бы тихо сидел и нянчил дитя. Его жена, Кэт, была медсестрой и два уик-энда в месяц должна была дежурить.

Герард еле заметно пожал плечами и занял свое место за рулем с печалью на лице. Ван-Ин посмотрел на Де-Ки и кивнул Герарду, тот осторожно нажал педаль газа.

Бронзовый фонтан на Занд-сквер полыхнул мощной струей воды в бирюзовое небо. Вода брызнула и, успокаиваясь, стала наполнять бассейн фонтана. Огромная площадь была почти пустой, готовая застать врасплох ничего не подозревающего агорафоба³.

Герард повернул на Зейдзанд-стрит медленно и точно, словно улитка. Зейдзанд-стрит упиралась в Стин-стрит, Мекку для избалованных потребителей благ Брюгге. Офис Дегрофа располагался в весьма скромном здании, несмотря на исключительную коллекцию, стоившую баснословных денег. Ни для кого не секрет, что Дегроф-младший подбирал коллекции сам. Ван-Ин знал из надежного источника, что в его распоряжении было два молодых дизайнера, которые были готовы продать свое вдохновение и мастерство за бесценок.

«Фольксваген» полицейского с вращающимися маячками остановился у магазина, а Декостер с Вермершем снова были не прочь поглазеть на интересное действо.

– Кто проводит расследование? – спросил Ван-Ин, выходя из «скорпио».

³ *Агорафобия* – боязнь открытых пространств (площадей, широких улиц). (Здесь и далее примеч. ред.)

– Гвидо Версавел, – ответил Де-Ки. – Он заканчивал свою ночную смену. Но вы же знаете Версавела. Его не остановить, – добавил он едко.

– Версавел – отличный офицер, – заметил Ван-Ин решительно.

Де-Ки посмотрел на него с удивлением, но ничего не сказал. Он заметил Дегрофа, который шел в его сторону.

– Bonjour, mon cher⁴ комиссар.

Де-Ки подошел к Гислаю Дегрофу с услужливой улыбкой на тонких губах. Они демонстративно приветствовали друг друга на тротуаре перед магазином с похлопыванием по спине, а из их уст летела непонятная французская лесть, вероятно с добрыми пожеланиями.

Ван-Ин был словно моментально понижен в должности – бесполезное создание, прида-ток. Версавел появился в дверях и оживил ситуацию. Сержант указал на Ван-Ина. Он был рад, что расследованием займется Ван-Ин. Работа с Вермершем и Декостером выводила его из себя.

– Гвидо, ты выглядишь усталым, мой друг.

– Ты был бы не лучше, если бы всю ночь работал нянькой!

Ван-Ин вскинул брови.

– Петижан, – сказал Версавел.

– Так бедняжка до сих пор не женат? – Ван-Ин улыбнулся. Все были жертвами амурных крестовых походов молодого офицера.

– Вермерш и Декостер фотографируют в мастерской, – уточнил Версавел. – Заместитель прокурора присматривает за ними.

– Заместитель прокурора! – Ван-Ин застонал. – Почему бы не обратиться сразу в генеральную прокуратуру? Нет, нельзя, гласность. Боже.

– Почему нет? – спросил Версавел.

– Не бери в голову. Так скажите мне, что происходит.

Версавел быстро проинформировал его. Он также признался, что пошутил над Де-Кайзером, дежурным офицером.

– Я не был удивлен, когда он повелся, но я не рассчитывал, что и она тоже купится на мои шутки.

– Так они же глупы, как и все остальные из магистрата, – сказал Ван-Ин презрительно.

– Я не знаю, глупа ли она, – пробормотал Версавел. – Но то, что мила...

– Я буду судить об этом сам, сержант, – сказал Ван-Ин. – С момента, конечно, когда неожиданно возникнет интерес к противоположному полу, кстати.

Они знали друг друга много лет, и сержант давно уже приобрел иммунитет к колкостям Ван-Ина.

– Я позвонил Лео. Он будет здесь с минуты на минуту, – сообщил Версавел, игнорируя недовольство Ван-Ина.

Лео Ванмаэль – судебный эксперт – также был одним из лучших друзей Питера Ван-Ина.

– Прекрасно, – сказал Ван-Ин.

– Давай проходи внутрь, – предложил Версавел. Он уже немного устал, но не жаловался.

Ноги Ван-Ина на добрых полдюйма погрузились в большой, от стены к стене, светло-серый ковер с монограммами компании «Дегроф. Бриллианты и ювелирные изделия».

– Назовем это искусством? – пробормотал он.

– Не понравилось? – спросил Версавел слегка удивленно.

Ван-Ин решительно покачал головой и внимательно посмотрел вокруг. Это было небольшое помещение. В стенах, сложенных из старой, отшлифованной вручную, кирпичной кладки, было устроено восемь ниш в готическом стиле. Ниши закрывали стеклянные двери, которые

⁴ Привет, мой дорогой (*фр.*).

служили витринами для ювелирных изделий. Но в это особенное воскресенье ничего не было в нишах, за исключением ковриков из синего бархата.

Две хрустальные люстры свисали с потолка, стояли два стола, за которыми Дегроф обслуживал клиентов. Каждому столу сопутствовали три стула неясного происхождения. Сиденья были покрыты бархатом. Ван-Ин не мог взять в толк, что это за стиль. Смесь всего: французский эпохи одного из королей Людовиков, с избытком сусального золота, и целые ярды кожи из Кордобы.

Ван-Ин закурил сигарету.

– Может быть, я должен познакомить тебя с нашим заместителем? – поинтересовался Версавел в виде меры предосторожности.

– Нужно ли? – прохрипел Ван-Ин. – Ты знаешь, я не люблю работать с женским контингентом. Сначала они вас обрабатывают, потом они вас используют, а затем становятся вашим боссом, прежде чем вы это поймете.

Версавел знал Ван-Ина, но тем не менее настаивал:

– Послушай совета на этот раз. Ты только взгляни на нее, и тебе все станет ясно, не устоишь.

Однако не было необходимости настаивать. Ханнелоре Мартенс слышала голоса, находясь в торговом зале магазина, и пришла посмотреть, что происходит. Версавел внимательно следил за Ван-Ином. Тот был заморожен, как и было предсказано.

– Заместитель прокурора Мартенс, могу я представить вам помощника комиссара Ван-Ина? Он будет расследовать это дело.

Заместитель прокурора не возражала, что Ван-Ин так пристально смотрит на нее.

– Рада познакомиться с вами, комиссар Ван-Ин. Мне интересно услышать ваше мнение по делу.

– Я только что прибыл сюда, – стусевался он. – Сержант как раз вводит меня в курс дела.

Ван-Ин чувствовал, как на лбу выступил пот. Он не был готов к встрече с такой женщиной. Ему пришлось приложить серьезные усилия, чтобы не заикаться. Его охватило чувство беспокойства, однажды пережитое им от подобной встречи еще в юности. Теперь он уже слишком стар для таких вещей. «Это сейчас пройдет», – утешал он себя.

– Мы можем воспользоваться? – Она указала на один из столов, не дожидаясь ответа, отодвинула стул и села, элегантно скрестив ноги.

Версавел заметил, что у Ван-Ина возникли проблемы, и пришел на помощь.

– Комиссар здесь, мэ. Он, правда, немного не в себе, общается с самим собой. Давайте я его позову, – усмехнулся Версавел.

Его вопрос на мгновение поверг ее в замешательство. Как официальный представитель общественного обвинения, она предполагала обсудить существо дела со старшим офицером. Это было неписанным правилом.

– Нет, благодарю вас, сержант. Я сама справлюсь. Мы поговорим позже.

Ван-Ин сделал глубокий вдох, когда заместитель прокурора вышла из комнаты.

– Ты должен был предупредить меня, парень.

– Я пытался, но ты меня не слушал. С другой стороны, ты забыл, что сделал в прошлом году, стукнув меня за того молодого парня из Германии в полночь? Бог мой! Я держал себя в руках. Ты сделал это намеренно. Я не виноват, что она хорошенькая.

Ван-Ин снова вздохнул, и нервно пульсирующий клубок в его желудке начал таять.

– О'кей, вот и все. В следующий раз мы арестуем Адониса, и ты обыщешь его голым. Идет, Версавел?

И оба взорвались от хохота.

Глава 4

В 11.15, наехав на край тротуара, Лео Ванмаэль припарковал свой ярко-желтый «Ауди-100» напротив магазина. Он покрасил его, поспорив с Ван-Ином. Если кто-нибудь обнаружит еще один такой же на бельгийских дорогах, Ван-Ин будет оплачивать каждую бутылку «Дювеля», распитую вместе в течение года. И это будет стоить ему гораздо больше, чем Ванмаэль потратил на покраску своего автомобиля.

В магазин Лео Ванмаэль вошел в сопровождении прелестной Ханнелоре.

– Главный комиссар и господин Дегроф пьют кофе на террасе кафе «Краненбург», – сказала она, прежде чем он смог произнести хоть слово. – Здесь мистер Ванмаэль из судебной полиции, это одно из их подразделений, – объявила она с интонацией школьного учителя.

– Доброе утро, мистер Ванмаэль, – произнес Ван-Ин, подмигнув.

Они часто в предрассветные часы после ночного дежурства вместе пили свое любимое пиво «Дювель», но она не должна была этого знать.

– Сколько лет, сколько зим.

– Неужели, комиссар, – ответил Ванмаэль безучастно. – Так что за история?

– Какой-то или какие-то неизвестные сбросили ювелирную коллекцию Дегрофа в кислоту. – Ван-Ин отступил и указал на Версавела и Ханнелоре. – Это все, что я знаю, я сам только что прибыл.

Ханнелоре подумала, что Ван-Ин ведет себя как-то пассивно. Да и вообще, вместо того чтобы предпринимать какие-то действия, все говорили об одном и том же. Интересно, умеют ли коллеги включать голову и делать то, что требуется от полиции Брюгге, или только лихо парковаться с нарушением правил?

– Мистер Дегроф занят или, скорее, был занят, проводил инвентаризацию находящегося на хранении ювелирного материала, – доложила она как положено. И тут же заметила, как Ван-Ин сочувственно потряс головой, высунув кончик языка.

– Я должен взглянуть на этот аквариум, – сказал Ванмаэль, – и, конечно, на сейф. Ацетилен, взрывчатка? – Никто не говорил ему о сейфе, но у Ванмаэля был богатый опыт в таких делах.

– Взрывчатка, – подтвердил Версавел. – Я подозреваю, они использовали семтекс⁵ с водяной подушкой для детонации, – видел фрагменты целлофана на стенке.

Ханнелоре понятия не имела, что такое семтекс, но у нее и в мыслях не было просить разъяснений.

– И никто не слышал взрыв? – Лео вопросительно посмотрел на Ван-Ина.

– Похоже, что нет. Здесь никто не живет. Несчастные ублюдки – владельцы магазинов на Стин-стрит, – как правило, ютятся в своих лачугах в богатых предместьях. – Он презрительно усмехнулся. – Но мы все проверим, конечно.

– Прохожие?

– Вероятно, – ответил Ван-Ин.

Вся операция проходила до полуночи, вполне возможно, что кто-то прогуливался в этих местах. Но Ван-Ин благоразумно молчал, он помнил предостережение Де-Ки: он должен быть осмотрительным. Поиск свидетелей – наименьшее из его забот.

– Почему бы не обратиться к общественности с помощью одной из независимых радиостанций или местного телевидения? – предложила Ханнелоре.

Отсутствие инициативы со стороны помощника комиссара начинало раздражать ее. Версавел и Ванмаэль разделяли ее мысли.

⁵ Семтекс – один из видов пластичной взрывчатки.

– Мы это обсудим, – сказал Ван-Ин без видимого энтузиазма. – Но позвольте вначале хорошенько осмотреть место происшествия. Господин Ванмаэль мог бы взять пробы царской водки и прокатать емкость на отпечатки.

Всегда веселый Ванмаэль на этот раз вытянул некрасивое лицо. Ван-Ину это не понравилось.

– Сейчас, комиссар, – произнес он с нажимом. – Я принесу мои инструменты.

– И скажите Вермершу, что бы он подкинул вас обратно в участок, Гвидо, – сказал Ван-Ин Версавелу. – Я знаю, вы устали, как собака, но писанина не ждет, мне нужен ваш отчет до конца дня.

Версавел кивнул. Ван-Ин был не совсем в себе, но он знал его достаточно хорошо. У этого человека могут быть на то свои причины.

После того как ушел Версавел, а Ванмаэль возился в мастерской в поисках полезных следов, Ван-Ин присел за один из столов. Ханнелоре, наблюдая за ним, придавала себе вид преувеличенно заинтересованный. Через пару секунд тишина спустилась, как тяжелое одеяло. Молчание раздражало обоих больше, чем хамство.

– Вы слышали что-нибудь от своих людей, мэм? – спросил он наконец, надеясь, что она уберется. Холодные капельки пота просочились с его шеи и поползли по позвоночнику.

– Это исключительно интригующий случай, – сказала она как-то не по делу. – Вы подразумеваете, помогаю ли я вам? Я никогда раньше не была на настоящем полицейском расследовании. Если я понадобится кому-нибудь в офисе, они знают, где меня найти, номер телефона Дегрофа есть в автоответчике, – добавила она амбициозно.

«Боже, помоги», – подумал Ван-Ин. Он всегда так говорил, когда оказывался в дерьме.

Она взяла стул и села напротив него.

– С вами случалось что-нибудь подобное?

Ван-Ин вскинул голову, пристально посмотрел на нее, но тотчас опустил взгляд.

– Растворенная в кислоте ювелирка – это не обычное происшествие. Вероятно, работа неуравновешенного ума. Нет ничего более сложного, чем схватить сумасшедшего, – сказал он уныло.

– Вы не оптимист.

– Если мы не найдем каких-либо настоящих следов или нормальных свидетелей, думаю, что повода для оптимизма не будет, мэм.

– Но это еще только начало. Мы должны информировать радио, телевидение. Я полагаю, это часть вашего плана?

На лице Ван-Ина отразилось смущение. Он не мог посвятить ее в то, о чем предупредил его Де-Ки. Нельзя перемывать это все на публике. Покушаться на магистрат равносильно измене. В их отношениях с Де-Ки не было никакого тепла, но он еще не готов сообщить это заместителю прокурора.

Но если она намеревается сделать сообщение по независимому радиоканалу, он должен будет что-то предпринять. Ханнелоре Мартенс, может стать, как зеленое сукно для пула, но она так же упряма и настойчива. Она отчаянно пытается дать понять, что может подбросить идею.

– Я думаю, было бы лучше дождаться результатов по потерпевшим.

Вдруг он почувствовал под столом тепло в коленях. Он не понял, насколько близко они сидят.

– Нонсенс, – засмеялась она, – журналисты собьются с ног ради такого репортажа. И не забывайте, они часто сотрудничают в деле добычи полезной информации. Голландская полиция знает много случаев помощи со стороны СМИ. У полиции Брюгге такого нет?

– Я должен был бы проделать это в обход начальства, – сказал Ван-Ин напряженно.

– Ладно, комиссар, но я хотела бы помочь в этом. – Она схватила конверт, лежавший на краю стола, и что-то написала на обороте.

– Здесь мой адрес и телефонный номер.

Ван-Ин принял конверт. Это был простой конверт, без штампа и печати. Ханнелоре использовала заднюю сторону. Она написала адрес и телефон четкими буквами. Он взял конверт и хотел положить его в карман, но заметил надпись из трех слов: «Для тебя, ублюдок».

Ван-Ин пробежал пальцами по конверту. Как и любой другой, он подумал, что Дегроф или один из его общества не стал бы беспокоиться из-за этого. Он открыл клапан и вытащил маленький квадратный листок бумаги.

– Что вы делаете? – спросила она и, увидев, что Ван-Ин, подняв брови, пристально рассматривает листок, подошла и встала рядом.

– Что все это значит? Зачем вы открыли конверт?

– Но здесь написано: «Для тебя, ублюдок». Трудно поверить, что господин Дегроф получает это регулярно, – сказал он нетерпеливо.

Она склонилась к Ван-Ину, он искоса взглянул на нее, приметив в вырезе легкий кружевной бюстгальтер, и отвернулся. «Боже мой!» Ван-Ин тщательно рассмотрел квадратик бумаги от угла до угла. Это ничего не дало.

– Вы думаете, автор ответствен за взлом?

Она склонилась еще ниже. Ее откровенный вырез оказался прямо перед его глазами. Ван-Ин подумал, что будет лучше, если он посмотрит в другую сторону. Он пытался сконцентрироваться на буквах, напечатанных на листке бумаги. Факт тот, что эти двадцать пять букв – все, чем он располагал.

– Вероятно, Дегроф может помочь, – произнес он осторожно. – Ювелиры иногда работают с различными шифрами вроде этого. А для меня это все китайская грамота.

– Вы это говорите на основании текста на конверте и это как-то связано с происшествием?

– Нет, – фыркнул он. – Я просто представляю, как неприятно Дегрофу получать сообщение с надписью: «Для тебя, ублюдок».

– Но вы по-прежнему считаете, что сообщение от того, кто учинил здесь разгром?

– Может быть.

– Может быть, – повторила она. – Кто еще мог это оставить? Могу я, комиссар?

Она вытянула листок бумаги из его пальцев и пару секунд изучала.

– Не думаю, что господин Дегроф переписывается на латыни, – с пренебрежением сказала она.

– Чертовы интеллектуалы, – пробормотал Ван-Ин сквозь зубы. – Не так много мне известно преступлений, где пользуются какой-нибудь латынью, – произнес он с сарказмом.

Возникла неловкая пауза. У него по телу побежали мурашки от наивной самоуверенности, которую она излучала.

– Абсолютно, комиссар, в точку. Преступники не склонны использовать для посланий латынь. – Она засмеялась, оценив ситуацию.

Ван-Ин призадумался. Она как будто не заносчива, и у нее есть чувство юмора. Возникли вдруг коленные контакты. Была ли у нее определенная цель, или она просто поддразнивала его? Может быть, она чувствовала, что он не в своей тарелке. Ван-Ин был реалистом, но это теплое покалывание, острые токи, проходящие сквозь тело...

Она обошла стол, протаскивая свой стул, и села около него, потом положила листок бумаги на стол.

– Rotas – значит колеса, – сказала она задумчиво. – Это первое слово в столбце.

R O T A S
O P E R A
T E N E T

A R E P O
S A T O R

Специально или нет, но Ханнелоре была снова очень близко. От нее пахло мылом «Люкс», возле носа он заметил несколько веснушек. Была ли она действительно заместителем прокурора? Ван-Ин тряхнул головой.

– Так что вы думаете означает rotas? – спросила она не дыша.

Ван-Ин вскочил. Его мысли умчались в беззаботные дни, которые он проводил с Соней.

– Прощу прощения, витал в облаках. – Он хотел прикурить сигарету, но передумал. С некурящим одной сигаретой можно испортить отношения, а он не хотел рисковать.

– Это похоже на пазл... на криптограмму. Вам не кажется, комиссар? – Ее голос изменился, словно сломался, как у подростка. В одну минуту из назойливой разбитной девки она превратилась в озорную школьницу.

– Если вы правы, мы имеем на руках идеалиста или человека со странностями, ну или то и другое.

Ван-Ин вздохнул и вдруг почувствовал благодарность к Де-Ки за то, что он привлек его к этому делу. Не пришло ли время перенести «работу» в кровать, и как можно быстрее.

– Или того, кто слишком часто смотрит развлекательное американское телевидение, – добавила она с умным видом.

– Боже! – простонал он. – Сделайте же меня!

– Что вы сказали? – Ханнелоре впиалась в него взглядом, ее нижняя губа дрожала, она словно хотела рассмеяться.

Ван-Ин оторопел и залился краской.

– Полицейский жаргон, – выкрутился он.

– А еще что-нибудь скажете.

Ван-Ин понял, что нет причин дурачить ее. Выбор за ней.

– Вы правы, мэ. Надо подлечить свою речь.

– Брань, комиссар, брань, вот что я использую, если оказываюсь по уши в дерьме.

– Вы шутите!

– Нет, правда, это возвращает меня в студенческие годы, – заговорила она нетерпеливо. – Я явилась на свой первый экзамен в джинсах, совершенно новых. Можете представить, что сказал мне профессор?

– Нет, – невинно ответил Ван-Ин.

– «Я не принимаю экзамен по одежке, вернетесь в сентябре, вон!» Я выругалась, мне стало легче.

– Вы разыгрываете меня.

Он осознал, что их беседа превратилась в анекдот, в то время как они занимались расследованием. «Боже» – было на кончике его языка. Он был рад, что больше никого нет в магазине.

– Так, где вы использовали это выражение? – Она почти тыкала локтями его ребра.

Трудно сказать, подслушивал ли их Лео, в любом случае момент он выбрал более чем подходящий. Он тяжело дышал, а поросычьи глазки подернулись маслом и блестели, когда его взгляд перебежал с Ван-Ина на Мартенс.

Ханнелоре Мартенс сделала серьезное лицо. Все это было ей в новинку, она даже забыла мудрый совет своих коллег быть всегда настороже. Некоторое время ей это легко удавалось, хотя было не в ее стиле. Неудивительно – все входили в здание суда с сумрачно серьезными лицами.

– Нашли что-нибудь? – спросил Ван-Ин.

– Никаких впечатков, – объявил Лео покорным тоном. – И перчатки стандартные, такие можно найти где угодно, разве микроэкспертиза могла бы что-нибудь сделать.

– А что с царской водкой? – повернулась Ханнелоре к Ванмаэлю.

– Что вы имеете в виду, мэм?

– Разве нельзя проследить, откуда получены десять галлонов вещества, которого нет в супермаркетах?

– Вы думаете найти где-нибудь отчет о продаже этой смеси? Это лишь одна часть азотной и три части соляной кислот, ничего серьезного, в любой аптеке можно разжиться. Ювелиры часто используют такой раствор, чтобы отделить золото от других металлов.

Лео взял стул, сел напротив Ханнелоре и Ван-Ина, снял очки и стал объяснять. Он начал свою карьеру в качестве школьного учителя, ему нравилось преподавать, но ученики средних школ не прониклись его энтузиазмом.

– Чистое двадцатичетырехкаратное золото мягкое, но практически непригодное для обработки. – Он прямо-таки читал лекцию. Это был его выход: щеки, усеянные красными угрями, порозовели, глаза сияли. – То, что мы понимаем как восемнадцать каратов или четырнадцать каратов, – смесь золота и меди, серебра, никеля или палладия. Чем больше меди, например, тем более желтым станет золото. Так называемое «белое золото» является комбинацией золота и палладия или никеля. Восемнадцать каратов – сплав, содержащий семидесятипятипроцентное золото.

– Хорошо, хорошо, – сказала Ханнелоре. – Вы каждый день открываете новое!

Лео поблагодарил ее широкой улыбкой. Прекрасной Ханнелоре стало очевидно, Лео – общий любимчик.

– Процедура очистки старого золота есть отделение лишних компонентов, а золото, как известно, стойко к кислоте, скинул хлам и получил чистое золото.

Лео снова водрузил на нос очки, таким образом дав понять, что его лекция завершена. Он уставился на двух голубков напротив, ведь для него было очевидно, что между этими двумя происходит нечто. У него был только один вопрос: как такая, как Ханнелоре, могла заинтересоваться таким, как Ван-Ин, его другу было сорок один год, он прокурен, как дымоход в старом особняке, и заливает за воротник по полной.

– Что ж, Дегрофу можно не жаловаться, его золото можно использовать? – подытожила Ханнелоре.

– Абсолютно, м-э-эм, – сказал Лео, подчеркнув «мэм», чтобы определить разницу в статусе.

– Но девяносто процентов стоимости ювелирных изделий – это работа и дизайн. Кто бы ни сделал это, он нанес повреждение, а вот если бы они все вынесли, Дегроф получил бы по страховке все до последнего пенни.

– Мечь, – осторожно предположил Ван-Ин.

– Осуществленная образованным психом, – отметила Ханнелоре, помахивая листком бумаги.

Лео не понял ее комментария и не обратил на него серьезного внимания.

– Если это была мечь, то хорошо подготовленная, – сказал он. – Здесь побывал не любитель. Семтекс помог открыть сейф, а это не то, что можно приобрести в местной пекарне. Процесс распада в кислотной смеси также требует более суток. Кто-то знал, что магазин в субботу закрывается.

– Не забудьте про сигнализацию. Преступник знал код и всю процедуру взаимодействия с охранной структурой, – напомнил Ван-Ин.

Ханнелоре достала пачку сигарет из кармана юбки.

– Вы курите, комиссар?

Ван-Ин не мог поверить ушам.

– Да, спасибо, – сказал он.

Лео решительно отказался.

Пока Ван-Ин наслаждался первой затяжкой, Ханнелоре вдруг сказала:

– Странно, что этот кто-то знал код сигнализации и не знал комбинацию сейфа.

Лео посмотрел на Ван-Ина. Кто бы мог подумать, что скрывается за красивыми устами.

– Как говорил мой старый школьный учитель: «Хорошая оценка, мой мальчик, это еще один шаг в нужном направлении».

– Почему мы не подумали об этом? – удивился Ван-Ин.

– Потому что женщины оказались остроумнее, комиссар, – с гордостью сказала она. – И еще надо не забыть латинскую белиберду, комиссар, да? – Она положила листок через стол к Лео. – Вы же изучали латынь в школе, если я не ошибаюсь, а, господин Ванмаэль?

Ван-Ин не понимал, почему они продолжали использовать официальное обращение. Но Лео, похоже, не беспокоился на этот счет.

– Это верно, – ухмыльнулся он, поправляя свои очки и беря в руки листок бумаги для детальной экспертизы.

– Если мы говорим о мести, – сказала Ханнелоре, – то мне представляется логичным, что мы должны искать виновного или виновных в непосредственной близости от Дегрофов. Мечь – это очень личный мотив. Это часто ассоциируется с преступлениями на почве страсти. – Она выжидательно уставилась на Ван-Ина.

– Я попробую составить портрет преступника завтра, – сказал он. Говорил он как-то неловко. – Растерявшиеся в жизни люди очень способны на идею. Однако не уверен, что мы имеем дело с психом.

– Но тогда вы сказали...

– Это было тогда.

– Ладно, каждый может менять высказанное мнение, но что заставило вас так поступить? Интуиция?

– Действительно, – улыбнулся он, – мужская в этом случае.

«Бычий глаз», – подумал Лео, слушая и одновременно пытаясь изучать латинский текст. Значения *rotas*, *opera* and *tenet* были очевидны, между тем *agero* и *sator*, *opera* и *rotas* читались наоборот. Но модель это непонятна, о чем она говорит?

– Непростая задачка, Ван-Ин, – сказал он, поправив очки. – Это было очень давно. Я считаю, что нужно получить консультацию у филолога. А если он переведет это, будет ли ясен смысл? Вы заметили, что *rotas* и *opera* написаны еще и задом наперед, как вертикально, так и горизонтально?

– Вы тоже думаете, что это вид пазла? – спросил Ван-Ин, выслушав рассуждения Лео и беря листок из его рук.

– Есть основание так считать. Разве преступники оставляют сообщения без причины? – Ханнелоре заправила волосы за уши.

– Исключая американскую развлекательную тему, – сказал Ван-Ин с серьезным лицом. – Может, и получится.

– Давайте уже, джентльмены. Хватит морочить мне голову! – произнесла она резко.

– Мы заложники расследования, мэм. Взгляните на это серьезно.

– И что насчет радио? – сердито спросила Ханнелоре Мартенс.

Эта женщина поистине имела яркий темперамент.

«Снова она об этом, хотя она права», – подумал Ван-Ин. Действительно, могут всплыть какие-то концы.

– Не волнуйтесь, мэм. Я уверен, что главный комиссар рад будет помочь, но сейчас целесообразнее вернуться в участок. Есть много документов, с которыми надо работать, и я не могу позволить заикнуться на этом сержанту Версавелу.

– Отлично, комиссар, но я бы хотела быть поближе к делу.

– Господин Ванмаэль тоже, кажется, хочет быть поближе.

И Лео кивнул.

– Тогда я пошел. Кстати, Версавел доложил, что Дегроф передал ключи офицеру Декостеру. Я сказал ему ожидать, пока вы работаете.

– О'кей, – кивнул Ванмаэль. – Я могу вернуться завтра с фургоном и помощниками, забрать эту жижу, чтобы определить, сколько золота там было. Дегрофу, пожалуй, это будет особенно интересно.

– Итак, договорились. – Ван-Ин поднялся. – Я полагаю, мы еще увидимся, – сказал он Ханнелоре.

– Я очень надеюсь на это, комиссар. Было приятно познакомиться, – проворковала она.

Ван-Ин никогда даже не мечтал научиться понимать женщин. Она пожала ему руку и задержала свою на мгновение.

– И не забывайте о радио, – подмигнула она. – Я уверена, что небольшой шумок к чему-то приведет, и, кроме того, убеждена, что это произойдет, – добавила она строго. – Если завтра этого не будет в эфире, я позабочусь об этом сама.

Снаружи Декостер и Вермерш несли тяжелое бремя, пытаясь держать любопытных на расстоянии. На улице было полно туристов, и каждый хотел знать, что происходит.

Тонкий молодой джентльмен смотрел, как развиваются события, с явным изумлением. Его хитрый аппарат фотографировал исподтишка происходящее. Он был местным репортером, никогда не покидавшим дом без камеры. За тысячу франков эту историю слил ему один из сотрудников, охранявших место происшествия от зевак.

Ван-Ин осторожно просочился наружу, стараясь быть незамеченным. Теплое летнее солнце, словно огненный змий, извивалось между рядами домов.

Это будет жаркий день. Праздничные флаги невозмутимо реяли на городских фасадах, готовые для ежегодного празднования фламандского сообщества на следующий день. Ван-Ин пытался продвигаться побыстрее, но это было безнадежно. Повсюду сновали туристы, они бестолково толпились, затормаживая все и вся. Он стал прижиматься к стенам домов, как к прикрытие.

Его мысли по-прежнему витали вокруг Ханнелоре Мартенс, как бабочки вокруг цветка. Он был зол на себя и чувствовал себя идиотом. Ну ладно, почти идиотом, поправил он сам себя. Она на самом деле совершенно не соответствовала своим поведением статусу заместителя прокурора.

Версавел сидел в 204-м кабинете, повернувшись к окну вспотевшей спиной, за старой печатной машинкой.

– Еще не устал? – спросил Ван-Ин, войдя.

Сержант лишь на мгновение оторвал взгляд от работы, безжалостно колотя пальцами по клавишам.

– Еще пять минут, – простонал он.

Ван-Ин плюхнулся на стул рядом с Версавелом и достал сигарету, несмотря на запрещающие знаки «Не курить», – они лишь для посетителей.

– Ну что, выбил из нее личные данные? – спросил Версавел сухо.

– Боже! Ты туда же. Лео все мне подмигивал. К чему бы мне. Она просто из тех новичков, что хотят произвести впечатление.

– Она не сводит с тебя глаз, – заявил Версавел невозмутимо. – Уж я бы не был ослом, если бы оказался на твоём месте, приятель.

Наступила тишина, прерываемая только шелканьем клавиш машинки.

Ван-Ин не совсем понимал, что с ним происходит. Но если бы это было в его власти, он спал бы с Ханнелоре каждую ночь.

– Ну все, готово, – объявил Версавел с облегчением. Он выкрутил лист из машинки и положил на стопку уже отпечатанных страниц. – Что ж, управился раньше. Это все твое, – сказал он, встал и потянулся.

– Ты дежуришь завтра? – спросил Ван-Ин. – Де-Ки настаивает, чтобы я взял дело под личный контроль, и было бы хорошо, если бы я мог рассчитывать на твою помощь.

– Нет проблем, – ответил Версавел.

Было заметно, что ему приятна просьба комиссара, но на самом деле прежде всего он помнил, что Ван-Ин – один из немногих офицеров, кто по-настоящему ценит его.

– Спасибо, Гвидо, но есть пара особых пунктов, – сказал Ван-Ин конфиденциальным тоном. – Де-Ки в зависимости от Дегрофа. Он требует абсолютной осторожности и никакой гласности.

Версавел нахмурился, но не сказал: «А могли бы мы это все делать осторожно?»

– Но наша красотка, мисс заместитель, решила дать сообщение по местному радио в надежде выявить полезного свидетеля, – сообщил Ван-Ин.

– Вот как? – Версавел кивнул. – Это еще более осложняет ситуацию. – Он не задавал вопросов, просто принял ситуацию, какой бы она ни была абсурдной, как поступает всякий опытный полицейский.

– Так что, если ты не возражаешь, я бы хотел, чтобы ты взял трубку, если кто-нибудь позвонит по нашему делу. Сообщение должно быть в эфире между семью и девятью. Де-Ки не будет допоздна, так что нам главное, чтобы Дегроф не слушал местное радио. С того момента, как свидетель заявит о себе, мы под прикрытием. Составляем заявления, отправляем файл мисс Мартенс, и все довольны.

– Надеюсь, ради тебя, – сказал Версавел скептически.

– Обо мне не беспокойся, Гвидо. У меня уже всякое бывало.

– Тогда до завтра. Завтра мне надо быть здесь к семи часам.

– Спасибо, Гвидо. Иди уже домой.

– Удачи, комиссар.

Версавел мигом улетел, за ним захлопнулась дверь.

Прежде чем вставить первую страницу в машинку, Ван-Ин выкурил сигарету. Бумажная работа, которая отбирала у него небольшой отдых в этот непростой день, вызывала у него ненависть, а курение было просто бессмысленной отсрочкой.

Глава 5

Гвидо Версавел сломал левой рукой пластиковый стаканчик из-под кофе и кинул его в урну. Он появился в участке в 7.15 свежим и отдохнувшим. Девять часов сна, горячая ванна, и последствия предыдущего дня были нейтрализованы.

Он принес небольшой портативный приемник и поручил все вызовы, связанные с Дегрофом, переадресовывать в 204-й кабинет.

Между тем Версавел еще раз просмотрел отчет, который он писал накануне. Кто-то из коллег знал, что Версавел иногда еще и пишет в свободное время. Два рассказа были опубликованы под псевдонимом, а теперь он еще закончил свой первый роман. Его не волновало, что обычный полицейский отчет написан в слишком хорошем стиле, потому что его волновал родной язык.

Первое сообщение поступило в 8.15.

Некто Арманд Гийоот сообщил, что видел трех марокканцев, шатавшихся на Стин-стрит накануне в 22.30.

– У одного из них была спортивная сумка, – добавил он со смешком.

Версавел поблагодарил и положил трубку. Ничего важного, подумал он. Следующие десять секунд телефон снова звонил несколько раз.

За полтора часа он принял тридцать звонков. Три было от марокканцев о каком-то черном парне и о двух турках. Пожилая дама перепутала «Дегроф. Бриллианты» с «Дэлооф. Газонокосилки в Зедельгеме». Она видела въехавший на стоянку грузовик в ту ночь и слышала звук разбивающегося стекла. Потом оказалось, что «Дэлооф. Газонокосилки» действительно был ограблен в ту ночь.

Версавел также принял пару звонков от шутников. Один был прослежен сразу, потому что горе-хулиган использовал свой собственный телефон. Были еще люди, не знавшие, что их телефон определяется.

Версавел отметил четыре интересных звонка и составил краткий отчет для комиссара Ван-Ина.

«В пятницу в 22.30 господин Дюпон с Двейр-стрит, 14 вышел на прогулку с собакой. Господин Дюпон всегда следовал по своему обычному маршруту. Он срезал путь через торговый центр „Зилверпанд“ к Гельмунд-стрит и дальше двигался по Сен-Аман-стрит до Маркет-сквер. Он обычно останавливался у любимой пивной витрины „Гейзе“ в кафе „Краненбург“ и сидел на террасе, если позволяла погода.

В 23.00 или около того он пересек рыночную площадь и направился к Бург-сквер, в самое сердце исторической части города, где он, как всегда, позволил своей собаке, ретриверу четырех лет, побегать без поводка в течение пятнадцати минут. В то же время господин Дюпон дал отдых своим косточкам на одной из скамеек под деревьями. И, следуя своей привычке, сидел и любовался удивительным освещением мэрии и базилики Холи-Блад⁶, не уставая восхищаться чудесным видом.

Затем он вернулся домой через Стин-стрит. За исключением пары автомобилей, он был один на дороге. Вот почему он так ясно помнил двоих мужчин, стоящих у двери „Дегроф. Бриллианты“.

⁶ *Святая кровь (англ.)*.

Один из них, молодой человек около двадцати пяти лет, придержал дверь для пожилого мужчины. Они оба были с пустыми руками. Господин Дюпон остановился на мгновение, притворяясь, что его собака должна помочиться. Он отметил, что мужчины одеты в темные костюмы и на обоих – серые галстуки. Старшему, вероятно, за шестьдесят, он уже совсем седой. Молодой человек шагнул к темному автомобилю „мерседес-универсал“, а человек постарше в это время запер дверь и опустил жалюзи. Господин Дюпон продолжил свой путь, не заподозрив неладного.

В то же утро по радио он услышал о происшествии и сразу позвонил в полицию.

Второй эпизод связан с голландской парой, отмечавшей двадцать пятую годовщину свадьбы в Брюгге.

Они путешествовали на машине из Амэло до Брюгге в пятницу 8 июля. Их четверо детей оплатили им романтический уик-энд. Они остановились в отеле „Сван“, который многие гиды называли лучшим в странах Бенилюкса⁷.

После ужина из пяти блюд в „Вишери“, эксклюзивном ресторане на рыбном рынке, Джудит и Стэн Корнёйт решили прогуляться по торговой площади через Берг-сквер и Брейдель-стрит. Они останавливались, чтобы полюбоваться витриной магазина „Куиджо“ – одного из главных конкурентов Дегрофа.

Молодой ювелир сидел в своей мастерской, в окне горел свет. Стэн по секрету от жены сэкономил четыре тысячи гульденов и решил потратить их на браслет для своей дорогой Джудит. Через пять минут или около того Стэн увидел великолепный экземпляр.

Они прогуливались по рыночной площади, словно пара молодых влюбленных, и двигались в направлении Стин-стрит. Стэн вспомнил, что видел еще один ювелирный магазин в то утро, когда они подходили к машине. Он не удивился, увидев в окне свет. Двое усердно работали внутри, собирая с витрины украшения и относя их внутрь магазина.

Оба были в хлопчатобумажных перчатках и собирали все с особой тщательностью. Тот, что моложе, даже помахал им, когда увидел их за витриной. У того, что заметно старше, была метелка, он собирал осколки в кучу, а молодой помогал ему.

Счищать битое стекло с ворсового ковра нелегко. Голландцы ничего не заподозрили».

Надо отдать должное преступникам, их образ действий был поразительно, вызывающе наглым. Размышляя над их странным поведением, Версавел решил, что, пожалуй, меньше всего это похоже на желание специально привлечь чье-то внимание. Он отлично знал, что в этом месте почти совсем замирает жизнь после 22.30.

Взломщикам, вероятно, был хорошо известен этот факт. В большинстве магазинов в 22 часа с помощью таймера автоматически включалась витринная подсветка.

Времена, когда свет можно было бессовестно жечь, ушли в прошлое. Экономия электроэнергии была теперь в моде. К тому же это было дешевле и экологически корректно, клиентам нравилось такое поведение.

⁷ *Бенилюкс* – организация, представляющая собой политический, экономический и таможенный союз, включающий три монархии: Бельгию, Нидерланды и Люксембург.

Даже полицейские патрульные ничего бы не заподозрили, если бы увидели двоих, работающих за витриной, они также не придали бы этому значения, как и пара Корнёт, ведь хозяйка часто работала допоздна.

Голландцы стояли несколько минут напротив и поэтому могли дать детальное описание. Версавел в этом смысле отдал им предпочтение и для более полного описания предложил им прийти в 14.30, надеясь, что к тому времени вернется Ван-Ин.

Два других полезных информатора слышали глухой взрыв где-то между одиннадцатью и полуночью. Один сказал, что это прозвучало как ружейный выстрел, а пожилая женщина, проживавшая в обшарпанной квартире за углом в Клейне на Сен-Аман-стрит, была потревожена глухим хлопком и решила, что это бабахнул неисправный глушитель.

Версавел знал, что Ван-Ин будет заинтересован. У них имеются в распоряжении четыре полезных свидетеля, и это более чем достаточно, чтобы осчастливить заместителя прокурора Мартенс.

Де-Ки не показывался в то утро. Ван-Ин позвонил ему вечером, чтобы сказать, что он назначил встречу на девять с Дегрофом для стандартного допроса. Он решил встретиться с ним пораньше, чтобы разрулить ситуацию.

Если все пойдет по плану, то все закончится обычной писаниной и отправится файлом в прокуратуру.

Так, по крайней мере, полагал Версавел.

* * *

Ван-Ин плохо спал. Дело Дегрофа выбило его из колеи, и это ему не нравилось. Когда он пришел в полицию, Брюгге был тихим кладбищем провинциального захолустья. Утешение для горожан, но не для полицейского. Серьезные преступления были редкостью.

Ван-Ин дослужился до помощника комиссара и начальника отдела специальных расследований, и все это время он жаждал особого дела. Этого не произошло, и его энтузиазм угас. Ему до зубовного скрежета надоели бумажная рутина и мелкие интриги. Так прошли годы.

И вот теперь чем больше он думал об этом расследовании, тем яснее понимал, что дело Дегрофа – то самое экстраординарное, чего он когда-то ждал.

Тот факт, что на Де-Ки оказывается давление, заставил Ван-Ина насторожиться. События той ночи были слишком странными, но не трагичными. И тогда выходит, что есть еще какая-то причина, по которой Дегроф-старший был вынужден прибегнуть к «тяжелой артиллерии» – надавить на Де-Ки. И комиссар был преисполнен решимости докопаться до этой причины, чего бы ему это ни стоило, даже ради того только, чтобы произвести впечатление на очаровательного заместителя прокурора Ханнелоре Мартенс.

После обычного критического осмотра своего тела перед зеркалом, когда он вспоминал, как все было прежде, Ван-Ин принялся искать свой лучший костюм.

Он выбрал один из трех имеющихся у него в наличии галстуков и повязал его как полагается. День святого Валентина 1984 года, грустный и памятный. Его последний ужин при свечах с Соней. Тогда они зарезервировали столик в «Де-Зевенд-Хемель» в уютном местечке на Вал-сквер. В ту ночь он был на седьмом небе от счастья.

Ресторан обанкротился пару месяцев спустя, так же как и его брак. Соня получила мебель и то, что осталось от их сбережений. Ван-Ин взял кредит – пару миллионов франков, чтобы компенсировать плату за дом. Кредит стоил ему двадцать четыре тысячи франков ежемесячно.

Он должен был платить почти тридцать пять тысяч, чтобы удержать за собой дом, но оно того стоило. Это был дом его мечты. Он был счастлив в нем, как ребенок.

Пожилая старая дева жила тогда в нем, она готовила ему блины почти каждую среду. Он полюбил Ветте-Виспорт и дом в конце Моэр-стрит, верхнюю комнату, где он вставал по часам, твердый дубовый стол у окна, винтовую лестницу, ведущую в сад, на берегу канала, темный сводчатый подвал, стянутый паутиной, скрип деревянного пола наверху. Дом, окутанный уютом, сплетенным лучами света, проникавшего сквозь зеленые стекла окон, спокойствием, не оставлявшим его никогда.

Они решили жить в этом месте, когда он уже стал старше. Дом был выставлен на продажу в 1978 году, когда он и Соня были женаты уже четыре года. Ван-Ин согласился на непомерную цену. Как и он, Соня была полна энтузиазма. В юношеской наивности они пошли на очень большой кредит. Она работала день и ночь, чтобы заплатить за дом своей мечты. Она была шеф-поваром в эксклюзивном ресторане Брюгге и зарабатывала гораздо больше, чем молодой полицейский. Она выжимала себя до седьмого пота.

В 1984 году, когда худшее, казалось, было позади, их брак распался.

Долгими вечерами Ван-Ин чувствовал себя одиноким. Он рухнул в объятия молодой коллеги, польстившись на ее прелести, и наслаждался короткими и страстными отношениями с девятнадцатилетней девушкой. Она была ненасытной, пока не поняла, что Ван-Ин не сможет продвинуть ее карьеру, он сам недавно получил повышение, став инспектором. Она бросила его, как кусок грязи, а Соня узнала об этом на следующий день.

Ван-Ин не пытался понять, что случилось с их браком, который мог быть прекрасным, но теперь это было уже слишком поздно. И жалость к себе в таких делах – плохой помощник.

Его темный костюм делал его более стройным, что его заметно порадовало. Он дошел до угла Моэр и направился в полицейский участок на Бёрс-сквер.

Сегодня можно было сказать, где живут настоящие патриоты. Повсюду сверкали «львиные флаги»⁸, Фландрия праздновала свой ежегодный фестиваль, но это был также и обычный рабочий день.

Ван-Ин вошел в участок и спросил у дежурного, есть ли свободная машина. Офицер Кардон порыскал в кармане и дал ему ключи от «фольксвагена», которым обычно пользовался Ван-Ин.

– Спасибо, Роберт, – сказал Ван-Ин.

– К вашим услугам, комиссар, – ответил тот.

Он мельком взглянул на лестницу, ведущую наверх, в его кабинет, но не стал в него подниматься, когда увидел часы в коридоре. Было 8.45.

Радиосообщения запланированы на каждые полчаса. Он был уверен, Версавел на своем посту, за столом. Если нет новостей, это может подождать до второй половины дня.

Он поехал по Смедестрит и выехал на главную дорогу из города в направлении к Гистель. Дегроф жил в Варсенаре, небольшом городке между Брюгге и Джабеке.

Ван-Ин был знаком с Гроте-Темс, элитным районом, где располагалась официальная резиденция Дегрофа. Люди, которые жили в том месте, имели право называть себя уважаемыми гражданами. Здесь жили врачи, риелторы, успешные бизнесмены, руководители банков и просто богатые собственники. Аристократический титул особенно ценился в Гроте-Темс, хотя ротарианцы и члены клуба «Киванис», а также рыцари Мальтийского ордена и многочисленные Опус Деи⁹ также могли рассчитывать на особое отношение.

Ван-Ину потребовалось некоторое время, чтобы найти дом Дегрофа на миниатюрной улице в Гроте-Темс, бросившей вызов логике. Здесь словно каждый житель изо всех сил ста-

⁸ На черно-желто-красном государственном флаге Бельгии изображен лев.

⁹ Опус Деи (Дело Божье – *лат.*) – организация католической церкви.

рался создать впечатление, что он один живет на своей улице. Наконец он нашел то, что искал, после по меньшей мере десятиминутных блужданий вокруг.

Дегроф жил в сооружении, изображавшем сельское поместье, типичное жилище богачей, которые строили свои дома в семидесятых под лозунгом «Назад к природе», как было модно в те времена. Кто мог себе это позволить, покупал дорогой участок земли и строил свой собственный деревенский дворец за пределами города.

Он не жалел ни денег, ни усилий для воплощения своей затеи – иметь простой сельский дом. Два архитектора заработали около полутора миллионов франков за каждый проект. Финансовые вложения, конечно, отразились на результате: чудовище из дорогого заказного кирпича, с тремя гаражами, дубовыми воротами и ставнями. В середине безупречный газон и кругленький прудик, в котором пара лебедей плавали, выполняя обязательную программу. «Хорошо обучены», – подумал Ван-Ин.

«Фольксваген-гольф» проковылял вверх по булыжной дороге и припарковался перед одним из гаражей. Прежде чем он успел нажать на кнопку звонка, молодой человек, лет двадцати или около того, открыл входную дверь. Он был одет в безупречный черный костюм с галстуком-бабочкой, одежда сразу же говорила о его статусе в домашнем хозяйстве. Его темно-коричневая кожа, пухлые губы и таинственные черные глаза сразу сообщали о его этническом происхождении. Было известно, что в этих краях люди не прочь воспользоваться недорогим трудовым контингентом.

– Помощник главного комиссара Ван-Ин, – произнес Питер лишь с намеком на представительность. – У меня назначена встреча с господином Дегрофом.

Индиец изобразил улыбку. Его жемчужно-белые зубы вызвали у комиссара зависть.

– Момент, сэр, – сказал дворецкий почти без акцента и оставил его ждать у двери.

Ван-Ин чувствовал себя неловко в этом костюме. Воротник его рубашки щипал шею, галстук был слишком туго затянут. Несмотря на ранний час, было уже довольно тепло. По национальному телевидению обещали сильный дождь. Индиец обернулся меньше чем за минуту.

– Господин Дегроф сейчас примет вас, – произнес он подобострастно, поклонился, как складной нож, и жестом предложил Ван-Ину войти.

Холл был существенно больше, чем спальня Ван-Ина. Дорогие тибетские ковры украшали пол. Ван-Ин узнал их, потому что когда-то мечтал о покупке подобного. Он был без ума от оттенков коричневого и охры, от простых геометрических узоров. Но Ван-Ину достался вкус, а Дегрофу – ковры. Стены были увешаны картинами в богатых рамах, в основном сельскими пейзажами, в большинстве своем – неизвестных мастеров девятнадцатого века.

Хрустальные люстры, свисающие с потолка, поддерживаемого балками из дуба, были совершенно не к месту.

Дворецкий провел его через двойную дверь в гостиную. В комнате было по меньшей мере шестьсот квадратных футов, и здесь был тоже настоящий китч: кожаная мебель в стиле кантри, китайский фарфор в антикварных шкафах, ковер из шкуры леопарда, перед открытым очагом выложена плитка «Делфт», большие хрустальные люстры, медальонные обои Валь Сен-Ламберт, бронзовая и медная чеканка. Ван-Ина почти выворачивало от всего этого.

Огромная стеклянная раздвижная дверь занимала целую стену, за ней были терраса и сад. Дегроф вышел к нему с широкой улыбкой.

– Комиссар Ван-Ин! – встретил он его с распростертыми объятиями. – Как я рад видеть вас снова, – сказал он на искаженном голландском языке, подстраиваясь под простой народ, к какому относился Ван-Ин.

Ван-Ин пожал его сухую руку.

– Я не хотел вас беспокоить тогда, господин Дегроф, но уверен, что вы понимаете необходимость уточнить кое-что с помощью пары вопросов. Для проформы, – добавил он саркастически.

– Mais bien sur¹⁰. Я весь к вашим услугам. – Его французский акцент был болезненным.

Дегроф был одет исключительно: свободные бежевые брюки, белая рубашка с открытым воротником, мокасины на босу ногу. Он казался не просто отдохнувшим, а прямо-таки на десять лет моложе.

– Мы можем поговорить на террасе, комиссар?

– Конечно, – сказал Ван-Ин.

Индиец помог ему снять пиджак. Он был благодарен за то, что здесь не было зеркал, ведь пиджак был его прикрытием.

Терраса была того же размера, что и гостиная. Беседка с брызжущим фонтаном, охлаждающим и освежающим воздух. «Там не будет жарко и под солнцем», – подумал Ван-Ин. Овальный стол красного дерева был накрыт для завтрака. Бутылка шампанского отдыхала в серебряном ведре со льдом.

Он заметил пару шезлонгов за столиком и опешил, когда увидел женщину, сидящую за столом.

– У нас гости, парень? – По ее тону было ясно, что она никого не ждала. Она встала и осмотрела Ван-Ина с головы до ног, чтобы сразу «задавить».

– Могу я представить мою жену Анну-Мари, комиссар?

Ван-Ин остолбенел, и болтовня Дегрофа превратилась для него в фоновый шум. На Анне-Мари не было ничего, кроме крошечного бикини. Она подошла к нему, не смущаясь. Глаза Ван-Ина были приклеены к ней в течение нескольких секунд. У него было мало вариантов. Она была уже совсем близко. У нее было тело двадцатилетней девушки, стройное и упругое. Темный цвет кожи, угловатая линия челюсти, прямой нос и большие серые глаза.

– Моя жена бывшая модель, – сказал Дегроф, подчеркнув «бывшая».

Ее глаза, показалось, на мгновение сверкнули. Ван-Ин словно пережил контрастный душ, когда она пожала ему руку. Она была так близко, что ее грудь коснулась его рубашки.

– Я здесь по поводу... э-э... вчера, – бормотал он.

Анна-Мари видела, что Ван-Ин взволнован, и казалось, это развлекало ее.

– Ты должен был сказать мне, что мы ожидаем кого-то, парень, – сказала она укоризненно.

– Mais chérie¹¹. Вот же, я сказал.

Тот факт, что его жена была почти голой перед Ван-Ином, казалось, не беспокоил его совершенно. Хуже того: это выглядело так, словно все было подстроено – вся эта нехорошая сцена.

– Может быть, мы могли бы сесть за стол, комиссар, – предложил хозяин дома наконец после нескольких неловких секунд.

– Как пожелаете. – Ван-Ин попробовал смотреть в другую сторону.

– Кофе?

Анна-Мари развернулась и пошла обратно к шезлонгу, нарочито покачивая бедрами.

– Или комиссар предпочитает бокал шампанского?

Она вышла из поля зрения Ван-Ина, и он вздохнул с облегчением.

– Почему бы и нет, – сказал он с благодарностью. Пот лился по его спине, и это было не только из-за солнца.

– Ты тоже, ma chère? – пролепетал Дегроф.

Его жена развернула шезлонг, теперь она смотрела на них. Индиец обернул бутылку полотенцем и наполнил три бокала, сначала Анне-Мари, потом Ван-Ину и Дегрофу.

¹⁰ Ну конечно (*фр.*).

¹¹ Но, дорогая (*фр.*).

– Sante, commissaire¹², – поднял Дегроф бокал и немного отпил.

– Ваше здоровье, – последовал Ван-Ин примеру, но шампанское не утоляло жажду.

– Уверена, комиссар, вы здесь не для того, чтобы сказать – дело решено, – плаксиво протянула Анна-Мари. – Может, это один из тех случаев, которые решаются сами собой? Буквально.

Ван-Ин улыбнулся из вежливости, но чувство обиды уже терзало его. Они явно издевались, и это сводило его с ума.

– Ну-ну, дорогая, пусть комиссар делает свою работу, – произнес Дегроф примирительно.

Она фыркнула и повернулась в другую сторону. Ван-Ин пересел, заняв место Анны-Мари.

– У моей жены бездна чувства юмора, она очень смешливая, – проговорил ювелир нарочно низким сдавленным голосом, рухнул в кресло и вытянул ноги под столом. Он не прирагивался к шампанскому более, Ван-Ин поддерживал этикет и отставил недопитый бокал.

– Ну, о деле, комиссар, – словно спохватился Дегроф, как только Ван-Ин с сожалением поставил бокал на стол. – Засыпьте меня вопросами. Я весь внимание.

Ван-Ин откашлялся и вынул записную книжку. Он еще не решил, как подойдет к опросу Дегрофа, и не был уверен, будет ли каждое слово передаваться через Дегрофа Де-Ки.

– Я считаю, что мы имеем дело с чрезвычайным и причудливым преступлением, – сказал он, начиная издалека. – Если бы преступник или преступники взяли драгоценности, мотив был бы очевиден. Они также должны были бы избавиться от своих следов, тонкий момент, имея в виду, что вещи были эксклюзивными и, как следствие, трудно было бы продать их скопом. Только горстка скупщиков пошла бы на это.

– Кому вы говорите! – кивнул Дегроф.

– Я полагаю, многое оценивается в миллионы.

Бухгалтер Дегрофа проводил общую инвентаризацию накануне.

– Между двадцатью и двадцатью пятью миллионами. В сейфе хранилась коллекция для выставки в Антверпене.

Ван-Ин принял к сведению эту новую информацию и продолжил:

– По моему скромному мнению, мотивом такого бессмысленного акта вандализма должна быть месть или ревность, господин Дегроф. Если мы не имеем дело с сумасшедшим.

Дегроф наклонился вперед, уперся локтями в стол и потер подбородок.

– Кто знает, комиссар? – сказал он с расслабленным удовольствием извращенца.

– У вас есть враги, господин Дегроф?

– Враги? Анна-Мари, – вскрикнул он, – у нас есть враги?

Ван-Ин воспользовался вопросом, чтобы посмотреть на нее. Он ждал, но она не повернулась.

– У всех есть враги, – не поворачиваясь к ним и перевернув страницу журнала, ответила она.

– Bien sur¹³, но враги – преступники? Я так не думаю, комиссар.

– А конкуренты? – предположил Ван-Ин. – Подумайте, господин Дегроф. Что-нибудь из прошлого. Вы были когда-нибудь жертвой шантажа? Может, какое-то сотрудничество с мафией. Вам предлагали крышу?

– Mais non¹⁴, Ван-Ин, – возмутился Дегроф. – Здесь, в Брюгге? Я не могу даже подумать о ком-нибудь... Кроме того, почему они ничего не взяли?

¹² Ваше здоровье, комиссар (*фр.*).

¹³ Конечно (*фр.*).

¹⁴ Но нет (*фр.*).

Ван-Ин заметил тревогу в глазах Дегрофа и удивился, что его вдруг стали называть по имени. Он проклинал себя за то, что задавал вопросы один за другим. Теперь было трудно сказать, который из них взволновал Дегрофа. И нет смысла их повторять. Важна только первая реакция.

– Преступники знали код охранной сигнализации, у них был ключ, и они точно знали, что у вас время от времени бывают клиенты в неурочный час, – проговорил Ван-Ин на одном дыхании. – Охранник даже утверждает, что он узнал ваш голос, – продолжил Ван-Ин, надеясь на удачу.

– Я уже сказал вам. Я не звонил им в тот вечер. Я также сделал заявление об этом уполномоченному Де-Ки, – произнес он, по-видимому уже раздражаясь.

«Давай-ка полегче, Ван-Ин, – сказал себе комиссар. – Наш потерпевший как будто сдаётся».

– Но у вас были клиенты в нерабочее время на регулярной основе. Люди в охране были знакомы со всей процедурой. Если я не ошибаюсь, они обязаны звонить вам каждый раз, когда сигнал тревоги включается или выключается в необычном режиме. Это именно то, что произошло вчера.

– Конечно, комиссар. Но я не звонил им в пятницу вечером, – произнес Дегроф елевым голосом.

Он вернулся в «седло». «И что, боже, с этим всем делать?»

– Это говорит о том, что злоумышленники должны были наблюдать за вами и в магазине в течение достаточно долгого времени и что они, скорее всего, работали по наводке кого-то, кого вы знаете. Возможно члена семьи, знакомого, – настаивал Ван-Ин, решив – пусть Дегроф видит, что это все чушь. – Я полагаю, не только вы имеете доступ к коду?

– Мон дью, мон дью, – проворчал Дегроф. – Кого вы обвиняете?

– Боже, – пробормотал Ван-Ин.

– Что?

– Ничего, господин Дегроф, на самом деле ничего, *lapsus linguae*¹⁵.

Пока Дегроф пытался справиться с *lapsus linguae*, Ван-Ин продолжал:

– Я просто должен записать информацию для последующего отчета заместителю прокурора. Без этого придется все начать сначала.

– Вон, – сказал Дегроф, поняв, что от него требуется. Он снова расслабился и вытянул ноги под столом. – Мой отец знает код, управляющий по делам и Идрис, – добавил он с безразличием.

– Идрис? – нахмурился Ван-Ин.

– Слуга-бой, – неохотно объяснил Дегроф.

«Почему Идрис?» – хотел он сказать, но вместо этого:

– Кто ваш управляющий по делам?

Дегроф глотнул шампанского.

– Жорж вне подозрений, можете мне поверить. Я знаю Жоржа Хорнаэрта многие годы. Во всяком случае, он в отпуске на Фиджи.

Ван-Ин отметил имя и поставил вопросительный знак после «Идрис».

– Удовлетворены, комиссар?

Дегроф улыбнулся, обнажив жемчужно-белые зубы, на которых не отражались годы. Однако они были сделаны из фарфора, а дочь стоматолога, которая училась в университете в Лёвене, получила «Пежо-204».

– Одна последняя деталь, господин Дегроф. Знали ли эти люди комбинацию сейфа?

Дегроф сдерживал свои чувства как мог.

¹⁵ Оговорка (*лат.*).

- Нет, только папа и я.
- Ясно, – кивнул Ван-Ин. – И как долго в магазине работает эта электроника?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.